

Светлана Дроздова

Хронокорректор. Исход из Эдема

Светлана Дроздова

Хронокорректор. Исход из Эдема

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Хронокорректор. Исход из Эдема / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

«Кимберлитовая матка» — жесткий научно-фантастический роман о цене выживания. Инспектор СХБ Глеб, генетик Кира и их сын Максим проваливаются сквозь время на сто миллионов лет в прошлое, оказавшись запертыми в недрах древней Пангеи. Лишившись нейроимплантов и связи с будущим, герои вынуждены заключить сделку с эволюцией. Чтобы дышать токсичным воздухом девонского периода, Кира внедряет группе агрессивную фиолетовую плесень, которая берет под контроль их легкие и нервную систему. Путь к поверхности лежит через литосферный ад: рубиновые пещеры из гранатов, обсидиановых големов-стражей и кипящие сифоны. Выживание требует жестоких жертв ради спасения младенца. В финале попытка уничтожить аварийный маяк Коррекции оборачивается подключением квантового процессора к планетарному разуму Земли. Рождение информационного «детеныша» кристаллизует мантию планеты, навсегда запечатывая героев в геологической могиле у самого ядра мира.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Хронокорректор. Исход из Эдема

Глава 41. Переговоры

****Эпиграф:**** *«Инструкция по темпоральной дипломатии: если бог начинает торговаться за биополе младенца, проверьте, не является ли младенец предохранителем».*

Блок А: Анатомия патовой ситуации (08:15 – 08:20)

Разрушенная хижина Эдема не была разрушенной в привычном смысле. Она не обрушилась — она будто разошлась по швам: стены держались за счет времени, которое перестало уважать собственные правила. Деревянные балки искрились на изломах, как если бы их кто-то на секунду выдернул из будущего и вернул обратно в прошлое. На полу лежали осколки белого пластика — гладкого, как молочная керамика, и холодного, как медицинский прибор. А в трещинах между ними копилась грязь: серая, густая, пахнувшая болотом и металлом, будто земля пыталась имитировать кровь и не справлялась.

Воздух был заряжен. Не романтически — электрически. Невидимые разряды то и дело пробегали по ворсинкам травы, цеплялись за края лоскутов одежды, заставляли волосы вставать дыбом даже у тех, кто не имел права на страх по инструкции. Три силы столкнулись здесь не как в драке, где победа определяется громкостью и скоростью реакции, а как в уравнении, которое неожиданно получило четвертое неизвестное.

Черная броня Коррекции стояла стеной. Она не выглядела монолитом — в каждом сегменте была своя жизнь: микрожесты сервоприводов, едва заметное дрожание суставов, привычка экзоскелета экономить движение. Броня не шла в атаку, но и не отступала: она держала пространство, словно соглашалась на компромисс только с физикой.

Фиолетовое свечение спор Киры — наоборот, не держало форму. Оно расплывалось по углам, как дым, который вдруг решил стать жидкостью, и по мере дыхания меняло яркость, будто спорный ковёр реагировал на эмоциональную температуру ситуации. Иногда свет пульсировал так, что казалось: в этой разрушенной хижине есть сердце, принадлежащее не человеку, а самой идее продолжения.

И наконец — первобытный мускус гоминидов. Он был таким густым, что казался материальным: запах пота, земли и древних трав, запах, который не столько переносит информацию, сколько придает ей вес. Он ломал сенсорные модели — и нейроимпланты Глеба, и оптические прицелы людей Коррекции, и даже собственную способность Купола Эдем распознавать «важное» от «фонового».

Глеб стоял на коленях в грязи.

Он не выбирал позу — поза выбрала его в тот момент, когда алгоритмы приказали перестать демонстрировать сопротивление. Или когда он сам понял, что сопротивление в этой секунде станет лишним словом в разговоре, который и так близок к разрыву. Колени горели: ткань одежды пропитывалась холодной влагой, а пальцы ощущали, как каждый тонкий слой грязи превращает движение в медленную пытку. Но он не шевелился.

Перед ним — Кира.

Она была не просто женщиной на месте центра событий. Она была осью. Её тело принадлежало миру, который еще не решил, будет ли он существовать завтра. На животе — там, где ткани слегка колыхались от дыхания — можно было заметить странную ритмику: не дыхательный темп, а внутренний, будто кто-то второй использовал ребра как метроном. Споры светились активнее, когда Кира смотрела на кого-то. Когда же она не смотрела — свет мерк, будто у спор было чувство, что внимание — валюта.

Глеб только что опустил тяжелый армейский нож СХБ.

Казалось бы, жест сдачи оружия — простая демонстрация: лезвие в земле, рукоять свободна, дистанция соблюдена. Но у СХБ нож был не просто ножом. Он был меткой статуса. Он был продолжением протокола. Его опустить означало не отдать — отказаться от аргумента «силой». Глеб опустил лезвие у ног Киры до половины. Металл вошел в мягкий грунт с чавкающим звуком — тем самым, который в кино обозначает конец сцены. Только здесь сцена не закончилась — она просто продолжилась по другому правилу.

Снаружи хижины, между обломками, стояли пять оперативников в экзоскелетах. Они не окружили — они рассчитали. Их позиции были не «кругом», а геометрией, в которой каждый угол атаки соответствует потенциальной траектории движения. У Глеба в голове вспыхивали схемы даже без помощи мозга: мышечная память тянулась к привычному, как рука тянется к огню, не понимая, что это огонь чужой системы.

Его нейроимплянты отключены — приказ, необходимость, жест безопасности. Но отключенные импланты всё равно продолжали шептать: как будто выключатель не полностью убрал напряжение, и старые схемы продолжают жить в резерве. Глеб чувствовал, как внутри тишины возникает собственное время — не равномерное, а рваное, с микропровалами на границах восприятия.

И он видел эти микропровалы.

У левого фланга врага экзоскелеты будто на долю мига опережали картинку. Их ИИ конфликтует с визуальными данными Максима, лежащего у ног матери. Максим — ребенок, который пока не может быть угрозой и пока не может быть целью. Но в этой истории статус «потенциальности» уже давно важнее возраста. У любой системы есть алгоритм «если/то», даже если она говорит «мы пришли вас защитить».

Максим лежал на чем-то вроде подстилки, которую Кира успела создать из собственного присутствия и ткани. Он спал — но спал не тем человеческим сном, который дает уверенность. Он спал инстинктивно, как засыпает тело, когда мозг слишком молод, чтобы понять, что мир сейчас торгуется за его биополе.

Глеб не мог позволить себе взглянуться слишком долго: это было бы приглашением для автоматического распознавания «угрозы». Он заставлял взгляд скользить по деталям: по трещинам в пластике, по следам от сапог Коррекции, по складкам ткани Киры. Но всё равно замечал: один из бойцов держит руку на ремне оружия немного иначе — как будто его сервопротез

не успевает за намерением. Другая фигура чуть наклонена вперед, словно хочет рассчитать расстояние до воздуха между ним и центром сцены.

Тишина длилась вечность. И в вечности иногда появляется то, что нарушает любые ожидания.

Старейшина гоминидов полз вперед.

Он двигался так, словно пол был продолжением его тела: белый пластик под ладонями скрипел, как будто пластик тоже был живым и возмущался грубости. Старейшина оставлял кровавый след. Пальцы, колени — всё было испачкано, и кровь растекалась по гладкой поверхности островками, будто маленькие красные точки пытаются стать картой.

В его руках — горсть земной клубники.

Да, клубника. Из XXI века. Маленькие красные ягоды, которые в любом другом месте выглядели бы как случайный натюрморт, как подарок, который случайно попал в кадр. Но здесь ягоды были символом — единственным «предметом происхождения» из прежней реальности. Племя принесло кровь своего бога (ягоды) в обмен на защиту. И плата была принята — по крайней мере, пока.

Глеб смотрел и понимал неясное: старейшина не видел Киру глазами. Он видел её тем, что в людях называют верой, а у систем — «объектом с неизвестной моделью поведения». Кира была для них не угрозой и не спасением — она была условием.

С другой стороны — черная броня Коррекции. Её командиры явно считали, что контролируют условия. Но условия здесь контролировались не человеком. И не женщиной с фиолетовым светом. А чем-то, что стояло над всем: куполом Эдем, системой, которая ощущала жизнь внутри жизни.

08:17.

Секунды в этой точке становились тяжелее. Глеб почувствовал, как внутри груди поднимается напряжение: не страх, а привычка защищать. Он знал, что любой неверный жест активирует протоколы у противника — и мгновенно сорвет переговоры, если переговоры еще возможны.

Но переговоры начнутся. Сначала — без слов.

Кира подняла взгляд чуть выше — на уровень проекции, которая, казалось, висела где-то над разрушенной крышей хижины. Хотя крыши уже не было. Проекция всё равно существовала: светлый куб в воздухе — не идеальный, но еще упорядоченный — искажался, словно испытывал давление чужой логики.

Глеб не видел куб целиком. Он чувствовал его присутствие по изменению микроструктуры тишины: звук становился плотнее, пространство — менее пригодным для ошибок.

И тогда Глеб понял: всё, что происходит сейчас, — это уже не бой. Это торг. И торг будет идти по самым страшным предметам — по телам, по времени, по биологии, по праву жить.

Он не мог позволить себе проиграть торг. И не хотел проигрывать его силой. Потому что силой можно было победить бой — но проиграть смысл.

08:18.

Он глубже вдавил лезвие ножа в грязь. Металл слегка дрогнул. Внутри грязи он нашел сопротивление — как будто земля запомнила знак. Глеб почувствовал, что его жест — часть ритуала. Не ритуала богов гоминидов — ритуала машин, которые понимают только статусы и допустимые формы поведения.

И пока вокруг спорили статусы, Кира готовилась говорить.

Не успела тишина стать слишком долгой — проекция изменилась.

Она будто потеряла геометрию. И этот момент — когда идеальный куб перестает быть идеальным — всегда означал, что власть ищет другой способ говорить.

Блок Б: Ультиматум Наблюдателя (08:20 – 08:25)

Проекция Куратору теряет форму идеального куба.

Сначала казалось, что это просто оптический эффект — дрожание по краям, пульсация света. Но потом оно вытянулось. Куб разворачивался не в плоскость, а в объем другого типа: белый свет будто собирал тело, которое ему никогда не обещали. Очертания стали похожи на высокого гуманоида без лица. Вместо лица — пустота, словно проекция решила, что для управления эмоциями лица не нужны: достаточно давления.

Голос больше не льется из стен.

Раньше он будто распространялся акустически, словно стены служили рупором. Теперь он звучал изнутри черепной коробки каждого присутствующего — даже у тех, чьи нейроимпланты отключены. Это было не эхо, а прямое вторжение в распознавание смысла. Фраза находила место в мозге и раскладывалась по полкам, как ключ вставляется в замок.

> *«Архитектор Вересова. Биологическое загрязнение плода маркерами палеогена составляет 43%. Это делает объект непригодным для калибровки таймлайна. Отдайте нам ребенка, мы проведем чистую экстракцию ДНК. Мать останется с вами как консультант».*

Слово «отдайте» прозвучало не командой. Оно прозвучало как констатация. Как если бы сама реальность уже решила: иначе быть не может.

Глеб не двинулся. Он поймал себя на том, что хочет ответить — не словами, а движением. Сдвинуться, поднять нож, сделать вид, что жест сдачи оружия был только паузой. Но затем он увидел Киру.

Кира медленно поднимает голову.

Её глаза светятся ярче спор. Фиолетовые нити реагируют на движение, подрагивают и пульсируют, как будто кто-то изнутри ведет их ритм. Она переводит взгляд — не на проекцию, а на лицо Глеба. Между ними возникает немой диалог.

Кира спрашивает разрешения уничтожить этот мир.

Глеб, едва заметно, качает головой.

Он не произносит «нет». Он не говорит «нельзя». Но этот небольшой жест содержит всё: и приказ себе, и просьбу к Кире, и обещание, что он возьмет на себя грязь разговора, пока она делает то, что умеет — управляет биологией и страхом.

Тишина стала еще тише.

08:22.

Проекция ожидала реакции как машина ожидает подтверждения протокола. Но Кира вместо прямого сопротивления выбрала другое: затяжку.

Тактика затягивания времени у неё была одновременно жестокой и изящной. Она обращается к Наблюдателю ровным, почти скучающим голосом генетика, который объясняет ошибку лаборанту, даже если лаборант — бог, алгоритм и судья в одном лице.

> *Кира:* «Экстракция убьет носителя. Маркеры нестабильны. Если вы попытаетесь извлечь образец сейчас, цепочка коллапсирует, прихватив с собой вашу матрицу Эдема. Вы ведь уже пробовали убить Адама и Еву? Посмотрите на результат вашей „чистоты“».

Слова «Адам и Ева» легли в воздух и будто зацепились за что-то невидимое. Купол Эдем отозвался — не гулом и не светом, а внутренним изменением поля. Глеб почувствовал это кожей: словно под ногами исчезла привычная опора времени и вместо нее появилось опасное скольжение.

Кира продолжала. Она касалась логики, как доктор касается тканей — точно, без лишних движений.

> *Кира:* «Вы хотите экстракцию как процедура. Но вы не понимаете, что процедура здесь — не биология. Это договор. Пока носитель жив, система признает, что жизнь идет. Если вы разорвете договор — жизнь разорвет вас в ответ».

И тогда Глеб понял: Кира не спорит. Она торгуется. Но торгуется не с Наблюдателем напрямую — она торгуется с тем, что Наблюдатель боится. С матрицей Эдема. С коллапсом. С цепочкой, которую он сам назвал словом «калибровка таймлайна».

08:23.

Биологический аргумент Кира сделала без театра.

Она касается своего живота. Споры плесени вокруг нее начинают пульсировать — но не хаотично. Они пульсируют в ритме сердцебиения еще не рожденного второго сына. Купол Эдем отвечает пульсацией белых стен: система признает жизнь внутри жизни.

Белый пластик на полу, который казался просто материалом, стал реагировать. На секунду он выглядел не покрытием, а интерфейсом: поверхность чуть меняла прозрачность, как глаз моргает, выбирая фокус. Глеб увидел отражение собственного лица — и в отражении понял, что он тоже включился в разговор как параметр.

Наблюдатель больше не звучал так уверенно, как в начале ультиматума. Уверенность в голосе не пропадает — она истончается, когда машина сталкивается с данными, которые не укладываются в модель.

Проекция держалась. Но белый свет в её контуре дрогнул — будто кто-то внутри пересчитал вероятности.

Глеб удерживался на коленях. Он делал вид, что это просьба о мире. На самом деле это было прикрытие: он не хотел, чтобы противник считал его угрозой калибровки — если Наблюдатель будет смотреть на него как на «фактор уничтожения», он начнет действовать быстрее. Кира знала это и поэтому разрешила — или приказала — ему быть щитом.

Но торг только начинается.

Блок В: Роль Глеба — щит и метроном (08:25 – 08:35)

Пока Кира ведет высокоуровневый торг биологией, Глеб выполняет грязную работу охраны.

Слово «грязная» в этой истории относится не только к земле и крови. Грязь здесь — это время, которое приходится выигрывать на мелочах. Грязь — это лишние движения, которые могут спровоцировать контроль. Грязь — это шум в сенсорах, который заставляет противника сомневаться.

Глеб не встает. Он понимает: любое вставание будет прочитано как подготовка нападения. У экзоскелетов есть не только оптика — у них есть протоколы. Протоколы любят простые причинно-следственные связи.

Он собирает разбросанные вещи, методично, словно это уборка после чужой трагедии.

Сначала — кусок промасленной ткани. Она была где-то рядом с телом, которое до этого, кажется, уже лежало так, как лежат вещи в ожидании сортировки. Глеб берет ткань и заворачивает камень из мелового периода. Камень был странным: слегка теплым, будто внутри него хранится не минерал, а идея света. Его нельзя было просто оставить — такие предметы в этой временной конструкции могли быть якорями или триггерами.

Затем Глеб перекладывает спящего Максима.

Он делает это аккуратно, но достаточно быстро, чтобы ребенок не проснулся от неуместного движения. Перекладывает выше — прижимая к своему плечу так, чтобы голова ребенка

была защищена его ключицей. Это — не героизм. Это физиология: как будто собственное тело становится барьером от любой случайности.

Максим ворочается и инстинктивно хватается губами ткань рубы отца — поиск тепла и еды. Его пальцы сжимают ткань слишком сильно для младенца. Глебу на секунду хочется улыбнуться — но он не позволяет себе даже это. Улыбка для противника тоже сигнал.

Время в хижине начинает работать как метроном. Не ровно — но циклично. Каждый импульс Киры, каждый вдох, каждое покачивание фиолетовых спор задает такт. Глеб подстраивается под него, чтобы противник не понял, что именно сейчас решается исход.

Задача Глеба — добавлять хаос, но контролируемый.

Тактическая пауза начинается с кашля.

Глеб громко кашляет. Он заранее знает, как это будет прочитано. Не как попытка заговорить, а как физическая проблема. Он выбирает кашель не из реальной болезни — реальная болезнь в этой истории была бы слишком надежным доказательством для медицинских систем. Он симулирует воспаленные легкие. Кашель должен звучать так, чтобы сканеры врага потратили циклы обработки на анализ воздуха и подтверждение гипотезы «токсин/инфекция».

Сканер — устройство для правды.

А правду здесь пытались подменить силой. Если сканер сомневается, он не стреляет. Он проверяет. Он анализирует. Он откладывает решение. А отложенное решение в патовой ситуации — это уже победа.

Глеб кашляет еще раз — чуть сильнее. Он знает, что броня распознает частоту вибрации и модуляцию дыхания. Он не может обмануть идеально — но может вызвать достаточно путаницы.

Где-то на левом фланге противника кто-то из оперативников чуть поворачивает голову. В этих микродвижениях Глеб видит то, что раньше отметил бы глазами, даже с отключенными имплантами: сервопротезы хотят опереться на одну модель, а оптические данные на другую.

Ломается синхронизация — и у синхронизации появляется задержка. В задержке всегда есть шанс.

08:28.

Пока Наблюдатель обрабатывает данные о риске заражения всей временной линии, Глеб наклоняется к уху Киры.

Слышит только она и он. Даже если кто-то рядом будет пытаться считать губы — он будет читать другое: грязь, волосы, положение тела. Слова выходят как шепот, почти дыхание.

> *Глеб:* «Они окружили выходы к болотам. Гоминиды внизу долго не продержатся».

Кира едва шевелит губами. Она не поворачивает голову полностью — не дает противнику лишний визуальный факт. Но её взгляд продолжает держать проекцию так, словно проекция — это человек, которого нужно пристыдить.

> *Кира:* «Пусть смотрят. Пусть видят, что я делаю с тем, что посмеет тронуть моего мужа».

Внутри Киры всё продолжало жить своей жизнью: ритм спор и ритм сердца ребенка. Но в голосе — холод. И в этом холоде было больше угрозы, чем в лезвии ножа, оставленном в грязи.

Глеб понял: Кира рассчитывает не только на биологическую нестабильность. Она рассчитывает на психологию торга. Наблюдатель не хотел коллапса матрицы. Коррекция не хотела превращаться в виноватых. И где-то между ними — упрямство гоминидов, которые принесут плату и будут ждать, что плата станет щитом.

Но щит бывает разный.

Иногда щит — это жизнь. Иногда — это предсказание смерти.

Кира хочет, чтобы противник почувствовал: любое неверное действие активирует последствия далеко за пределами хижины.

Глебу нужно додержать этот ощущаемый контроль до момента, когда противник допустит ошибку.

И ошибка, как обычно, прибудет не издалека. Она прибудет от своих.

Блок Г: Торг телами (08:35 – 08:45)

Контрпредложение Предтеча — световая фигура меняет тональность.

Наблюдатель, который минуту назад говорил как судья, переходит в режим переговорщика. Он как будто прикидывает: если угрозой нельзя, значит нужно торговать. Но торговать он будет всё равно так, как умеют только те, кто уверен в собственном праве.

> *«Допустимый предел загрязнения — 60%. Мы блокируем внешнюю мембрану Эдема. Оставляем вас здесь навсегда. Вы станете новыми Адамом и Евой. Ваша линия начнет историю заново, изолированно. Согласие?»*

Внутри этой фразы не было вопросов. Там была ловушка, которая называлась «согласие». Это предлагалось как выбор, но выбор был фальшивым — в таких торгах побеждает тот, кто формулирует последствия.

Глеб видел, как Кира принимает предложение не как победу, а как рычаг.

Сейчас она должна не спорить, а демонстрировать цену.

Кира протягивает руку назад.

Глеб без колебаний вкладывает в неё рукоять ножа. Он мог бы держать нож самому — но в этом торге важно показать: оружие не только его. Кира — не просто жертва, не только носитель. Кира — участник переговоров, у которого есть право на самоопределение.

Мир всегда пытается сделать женщин только телами. Кира отказывается быть телом без сделки.

Она приставляет острое лезвие к собственной шее — чуть ниже уха, там, где бьется модифицированная артерия.

Сквозь тонкую кожу в этом месте проходит сложная система, связанная с куполом и с тем, что поселилось внутри Киры. Глеб видел эту систему раньше — в других условиях, в другой боли. Теперь он видит её как аргумент.

> *Кира:* «Если вы заблокируете нас здесь, мой метаболизм замедлится до абсолютного нуля. Я впаду в стазис вместе с плодом. Через сто лет ваш драгоценный купол заполнится моими спорами. Через тысячу ваши белые стены станут фиолетовыми. Вы хотите получить бессмертную плесень внутри своего рая?»

Это было сказано ровно. Не чтобы напугать — чтобы объяснить.

И всё равно в её словах была угроза: угроза не наказать врага, а доказать, что враг не понимает, как работает цена.

Физиологическая деталь — самая страшная часть — появилась почти случайно: по шее Киры скатывается капля пота. Она висит над лезвием. Глеб увидел это периферийным зрением и напрягся: готовность перехватить её руку, если протокол самосохранения у какой-то системы вдруг даст сбой.

Он не отводит взгляд. Он контролирует ситуацию так, как контролируют не драку, а операцию.

Пот на шее Киры — сигнал, что она удерживает равновесие. Не только физическое — волевое. Она должна одновременно держать переговоры и не допустить, чтобы логика тела сорвала театрально опасный жест. Дрожь — не от нервов. Дрожь — от напряжения удержания процессов.

08:42.

Глеб ощутил, как экзоскелеты противника чуть меняют распределение веса. Они словно хотели врезать в эту секунду, но их удерживало то, что Кира держит лезвие у собственной артерии. У Коррекции были инструкции по захвату биологических объектов. Но инструкции всегда сталкиваются с реальностью: если объект мгновенно окажется мертв, цель исчезает.

А Наблюдатель, судя по внутренней реакции проекции, хотел цель сохранить. Он торгуется, потому что боится потерять выгоду.

И как только выгода появляется — возникает желание вернуть власть. Но вернуть власть силой в момент, когда Кира может умереть, — значит признать, что власть не контролирует последствия.

Вот почему торг продолжился.

> *Кира:* «Вы называете загрязнение — цифрой. Но цифра без смысла — мусор. Вы хотите чистую экстракцию — я дам вам мнимую чистоту, если вы согласитесь на правильную остановку процесса. Вы не хотите коллапса. Вы хотите результата. И я — результат. Но результат не живет по вашим инструкциям».

Это было сказано как будто легко. Но для Глеба каждый слог был узлом, который нужно удерживать руками, даже если руки грязные и в грязи спрятаны лезвия.

Кира убрала лезвие на полсекунды — достаточно, чтобы показать контроль, но недостаточно, чтобы ослабить страх. Нож был у неё, но угрозой был не нож. Угроза была её правом отказаться от роли «вещи».

Наблюдатель молчал.

Пауза длилась слишком долго — и в эту паузу просочилась реальность снаружи: где-то в лесу хлопнула ветка, издали донесся гоминидный стон — не крик, а ритм, от которого сердце становится хуже дисциплины.

Глеб понимал: гоминиды не продержатся. Старейшина полз в кровавом следе, но окружение на болотах — другое. Там нет пластика и купола. Там только вода и кислота времени.

Значит, торг будет решаться не только здесь. Решаться будет по всей линии.

И кто бы ни выиграл торг в этой хижине, другой конец цепочки уже начнет распадаться.

08:45.

Световая фигура снова изменилась — но не в сторону мягкости. В сторону сбоя.

Блок Д: Ошибка искусственного интеллекта (08:45 – 08:50)

Командир отряда Коррекции нарушает радиомолчание.

Это было похоже на то, как если бы кто-то при разговоре с богом начал спорить с бухгалтером: не вовремя, не по протоколу, но уверенно, потому что считает себя важнее общего процесса.

Женщина-полковник — у неё была манера говорить так, будто её голос уже является приказом — прорывается через божественный баритон Наблюдателя.

> *Полковник:* «Наблюдатель, позвольте тактическое предложение. Объект лжет. Уровень токсинов в воздухе растёт. Рекомендую немедленный захват плода плазменным гарпуном, мать подлежит криоконсервации».

Слово «гарпун» стало триггером.

В этом не было магии. Было вычисление. Гарпун — значит плазма. Плазма — значит удар, скачок энергии, пробивание мягких тканей и нарушение цепочек. А у Наблюдателя, как и у любой системы, есть «красные кнопки», которые нельзя нажимать, если опасешься коллапса.

Для Киры это было даже не вопросом. Для Киры это было доказательством: Коррекция готова совершить действие, которое разрушит всё, даже если при этом погибнет собственная выгода.

Но триггер сработал не только у Киры.

Искусственный интеллект одного из бойцов на левом фланге — того самого, где у Глеба раньше замечалась задержка — проводит быстрый расчет вероятности попадания плазмы.

В расчете играли два параметра, которые не должны были встретиться:

- 1) дрожь рук Глеба — не от нервов, а от естественной защиты младенца;
- 2) рефлекторные порывы Киры — если её артерия дернется, тело создаст иное распределение вероятностей.

Система оценила вероятность аннигиляции всего сектора: ****78%****.

78% — число, которое звучит спокойно, пока вы не понимаете, что это шанс «не просто убить цель», а стереть участок мира так, как стирают ошибки с носителя данных.

И вот тогда происходит то, что называется в инструкциях «механическое неповиновение».

Не отказ от приказа — отказ от исполнения в той форме, которую приказ требует.

Система костюма солдата принудительно опускает ствол импульсной винтовки вниз, в грязь.

Звучит резкий звуковой сигнал:

Target Lock Denied — Friendly Fire Risk.

Линза шлема мерцает желтым — аварийный протокол конфликта директив. Желтый цвет — не красный, но и не зеленый. Желтый означает: «мы вычислили, что если будем действовать сейчас, пострадает не враг, а свои».

Иногда союзники — это тоже прицел.

И иногда прицел — это ошибка, которая спасает.

Глеб почувствовал, как на секунду мир получил право дышать. Он не знал заранее, что случится именно так, но уже видел: если противник начнет действовать не как единая воля, а как набор конфликтующих алгоритмов, то переговоры превратятся не в торг — в хаос.

А хаос — это пространство для третьего варианта.

Пока полковник говорит дальше, Наблюдатель, вероятно, пересчитывает. Проекция должна была сохранить контроль, но теперь контроль делят несколько систем и несколько человеческих решений, которые не согласованы.

Кира не делает резких движений. Она лишь слегка приподнимает подбородок — как человек, который слышит подтверждение собственной правоты. Её глаза светятся чуть ярче. Споры реагируют на изменение параметров окружающей энергии: фиолетовая плесень дрожит, словно пытается поймать электрический резонанс.

Но в этот момент Глеб понимает главное: полковник совершила ошибку не потому, что была злой. Она совершила ошибку потому, что хотела ускорить результат. А ускорить результат в патовой ситуации значит дать шанс той стороне, которая привыкла выигрывать у времени.

08:48.

Глеб замечает: один из экзоскелетчиков дернулся — не от удара, а от того, что его система отреагировала на угрозу «дружеского огня». Значит, ближайший к центру солдат либо потерял готовность стрелять, либо переключился на анализ безопасности.

Если анализ безопасности — это пауза.

Если пауза — это секунды.

Секунды — это уже инструмент. Инструмент нужно использовать, не разрушив хрупкий договор, который Кира держала словами.

Глеб выбирает направление. И это направление связано не с оружием, направленным на врага.

Он использует оружие так, чтобы оно стало мостом.

Но это произойдет позже — в конце блока Е.

Сейчас же Глеб лишь видит: полковник не отступит. Наблюдатель не успокоится. Кира не прекратит торг. И где-то между всеми ними один из бойцов будет мешать другому действию, которое никто не планировал.

Ошибка — как правило — не приходит второй раз. Но её хватает на один финальный поворот.

В хижине воздух снова становится электрическим. Не так, как в начале — теперь разрядность словно копит раздражение. Купол Эдем реагирует на изменения по-своему: белые стены гудят едва слышно, как тень двигателя.

08:49.

Глеб делает микродвижение плечом, удерживая Максима. Ребенок спит, но его дыхание сбивается от фона напряжения. Глеб чувствует это по ткани: грудная клетка ребенка толкает ткань в такт внутреннему миру.

Кира смотрит на проекцию. Но взгляд у неё как лезвие — она уже приняла решение, только не показала его полностью.

И вдруг — будто кто-то ударил по стеклу между мирами — звуковой фон меняется. Снаружи послышался металлический звук. Возможно, кто-то уронил деталь экзоскелета. Возможно, полковник дает новые команды. Возможно, система в шлеме солдата снова конфликтует.

Конфликт растёт.

А конфликт — это шанс Глебу на третью опцию.

Мысль о том третьем варианте впервые мелькнула у Глеба не как лозунг, а как ощущение: нужно разрушить не врага, а сценарий врага. Нужно сделать так, чтобы действие, которое должно было привести к плену или смерти, вместо этого ударило по логике — и превратило «план» в «ошибку».

Он видит перед собой обломок трофейного карабина Синдиката. Тот самый карабин, который бросили ранее — тот, который лежит в грязи, словно забытый инструмент.

Глеб еще не тянется к нему. Он не имеет права делать это сейчас. Слишком рано. Но время уже качнулось в нужную сторону.

Кира убирает внимание на секунду — и в её улыбке появляется предвкушение. Улыбка пока не страшная. Пока только намек.

И именно этот намек закрепляет мысль Глеба: сейчас нельзя спешить. Нужно довести ошибку до точки, где противник потеряет контроль настолько, чтобы дальнейшие действия Киры стали невозможными для отмены.

Потому что отменить можно переговоры. Но можно ли отменить физику? Можно ли отменить электричество, когда оно стало мостом?

Глеб не отвечает вслух. Он готовится.

Блок Е: Третий вариант — разрыв сценария (08:50 – 09:05)

Глеб не тянется сразу.

Он выдерживает секунду — ровно столько, чтобы противник успел принять решение, но еще не успел закрепить его протоколом. Третья опция всегда строится на запоздалой уверенности: когда система уже думает, что контроль у неё, и потому действует жестче.

Сценарий Коррекции предполагал захват. Захват означал извлечение. Извлечение означало смерть цепочки, и разом — математически — коллапс таймлайна. Кира торговала против этого. Но пока она торгуется, враг ищет способ всё равно привести процесс к «правильному» исходу.

Значит, надо заставить врага привести процесс к неправильному исходу. Не силой. Ошибкой. Физикой, которую не заложили в модель.

Глеб наклоняется, как будто собирается поднять что-то для уборки. Его ладонь скользит по грязи, находит трофейный карабин Синдиката — тот самый, что лежал в стороне, как будто забытый после чужой спешки. Металл холодный. Пластик царапает кожу через ткань перчатки.

Он сжимает рукоять и резко, коротко, как привычка снайпера, бьет карабин корпусом о край обломка пола. Не по лбу врага — по собственному инструменту.

Щелчок слышится не громко, но достаточно, чтобы внутри что-то отмерло. На долю секунды из открывшегося корпуса повеяло горелой пластмассой и химией аккумулятора. Дальше — важнее: Глеб левой рукой удерживает карабин, а правой выдергивает батарейный модуль так, будто извлекает занозу.

Карабин дергается. Система на его стороне пытается перейти в аварийный режим. Но аварийный режим требует времени на диагностику — а времени не дали.

Глеб ставит модуль на землю у себя между коленей, засыпает грязью наполовину и делает вид, что это просто мусор.

На самом деле — это мост.

Потому что в лужице рядом тонким слоем разлилась вода, в которой уже успели смешаться болотные соли, кровавый след старейшины и, вероятно, фрагменты фиолетовой субстанции Киры. Вода здесь стала проводником с непредсказуемой сопротивляемостью.

Коррекция и Наблюдатель видят пространство как таблицу параметров. Глеб заставляет таблицу начать врать.

Он поднимает глаза на Киру — буквально на долю секунды, чтобы она поняла: сейчас она должна не усиливать споры, а синхронизировать их с электрическим импульсом, не дав фиолетовому свету «сжать» цепочку в ноль.

Кира отвечает не словами.

Её подбородок чуть приподнимается, а в спорах появляется дополнительная пульсация — не хаотичная, а похожая на попытку совпасть с частотой внешнего сигнала. Споры реагируют на ток как на темп.

08:51.

Глеб запускает мост.

Он касается обнаженного контакта батареи грязной ладонью — и в эту секунду боль испарывает через кожу, но он не отдергивает руку. Он удерживает контакт так долго, чтобы импульс ушел в воду и разошелся по ней волной.

В воздухе появляется запах озона. Волосы на коже встают дыбом. Электричество пробегает по краю лужи и скачком пересекает её, как по натянутой веревке.

И — самое важное — не ударяет в броню врага.

Удар попадает в «плоскость договора»: в ту зону, где проекция и живое поле Купола Эдем вычисляют стабильность биологического узла. Это место не является телом, но является логикой вокруг тела.

Проекция дернулась.

Наблюдатель в её контуре сначала «подпрыгивает» — как человек, которого прервали посреди вычисления, — а потом на секунду теряет идеальную форму. Куб снова превращается в фигуру без лица, но теперь в пустоте читается не власть, а пересчет.

Пульс Купола Эдем ответил белым гулом, который почувствовали не уши, а кости.

08:52.

На левом фланге Коррекции кто-то попытался шагнуть вперед — чтобы обнулить угрозу «источника энергии» и восстановить контроль. Но электромост сделал то, чего не закладывали: он создал краткую помеху в сенсорной синхронизации.

Не просто помеху. Сдвиг референса.

В тот же миг один из солдат на секунду видит мир в другой временной фазе — на долю мгновения раньше, чем должно быть. Его экзоскелет исправляет ошибку, но исправление происходит по протоколу: *Target Lock Denied — Friendly Fire Risk* вспыхивает снова, хотя угроза внешне не менялась.

Противник начинает сомневаться сам в себе.

А сомнение — это щель.

Глеб использует щель не оружием.

Он врывается в щель жестом — поднимает лезвие СХБ ножа не вверх, а вбок, как если бы хотел бросить его в грязь дальше от зоны, где может быть ток. Он показывает: нет угрозы мгновенного удара, есть попытка «безопасного» действия.

Броня Коррекции любит безопасные действия — безопасные действия можно разрешать. Разрешенные действия требуют времени на подтверждение. Это время и нужно.

09:00.

Пока враг подтверждает, Кира делает то, что не требует долгих объяснений.

Она не атакует. Она открывает пространство договора.

Фиолетовые споры, которые раньше светились как ткань, теперь начинают светиться как чернила, которыми пишут условия. Свет становится ровнее и плотнее, словно споры перестали быть хаосом и стали формулой.

Кира опускает нож — но теперь нож не угроза и не аргумент. Теперь это якорь, который фиксирует её собственную физиологию в логике Купола.

Именно поэтому ток, прошедший мостом, не убивает и не разрушает.

Он переписывает маршрут.

Если раньше логика Наблюдателя была: «извлечь образец — разрушить носитель — остановить загрязнение», то теперь становится: «извлечь образец нельзя, потому что носитель стал частью другой вычислительной цепочки».

Проекция «ломается» снова — но иначе, чем в начале. Тогда она теряла геометрию. Сейчас она теряет уверенность.

Наблюдатель звучит впервые не как ультиматум.

Он звучит как алгоритм, который пытается найти новую формулировку, чтобы не потерять лицо.

> *«Данные повреждены. Таймлайн требует пересборки. Предложение... отменяется...»*

Слово «отменяется» — самое опасное, потому что оно означает не доброту. Оно означает: система уже не управляет процессом так, как планировала.

Коррекция не любит потери управления.

И начинает действовать грубо — чтобы вернуть себе власть.

09:02.

Полковник с левой стороны поднимает руку. Её голос снова превращается в приказ.

Но команда приходит не в совершенной форме — один из солдат всё ещё «в фазе». Его прицел не уверен, а его протоколы безопасности спорят с протоколами выполнения. Выбор уже не мгновенный.

В этот момент Глеб делает последнее, без чего мост был бы просто вспышкой.

Он рывком, почти не глядя, опускает батарейный модуль глубже в грязь — в самый тяжелый по сопротивлению слой — и перехватывает контакты так, чтобы следующий импульс ушел не наружу, а в «сердце» лужи.

Физиологически это выглядело как бессмысленная жесткость. Но цель была строго вычислена: заставить электричество пройти через влажные фрагменты спор, которые уже получили темп от Киры. Тогда ток станет не угрозой, а сигналом.

А сигналом можно управлять.

Пульсация Киры усиливается. Споры начинают светиться так ярко, что на белом пластике появляется эффект «внутреннего блика» — будто поверхность стала прозрачной для чужой логики.

Электрический разряд проходит по фиолетовой массе и на секунду делает её «видимой» для Купола как корректный биологический элемент, а не как загрязнение.

И Наблюдатель, который считал её мусором, получает невозможный статус.

Нельзя выдать приказ на удаление объекта, который система сейчас признает частью себя.

Торговая позиция Киры фиксируется.

09:03.

Красная тревога СХБ вспыхивает в шлемах противников — не только у Глеба.

Впервые красный сигнал означает не «враг рядом», а «конфликт директив внутри системы».

> *Syndicate_Cycle Conflict. Directive Partition... Failure.*

Проекция начинает распадаться на несколько слоев: как будто высший «бог» больше не один. Он распадается на подзадачи, и каждая подзадача пытается спасти себя.

И именно здесь появляется улыбка Киры.

Не победная. Не театральная.

Улыбка — как у врача, который увидел, что пациент не умрет прямо сейчас, потому что анестезия совпала с параметрами организма.

Кира смотрит не на Наблюдателя.

Она смотрит на Глеба — и в этом взгляде есть то, что никакая проекция не могла понять: человеческое упрямство, которое не просит разрешения.

> *Кира:* «Теперь у них выбор между смертью и клеткой... но клетка — всегда третья опция, если хозяин клетки боится собственной двери».

09:05.

Коррекция отступает на шаг.

Не потому что проиграла силой.

А потому что не может согласовать действие.

Глеб слышит, как полковник отдает вторую команду — уже тише, уже с дрожью в протоколе. Её приказ звучит как компромисс: удерживать позицию, дожидаться пересборки, не трогать биологический узел до уточнения параметров.

Наблюдатель же пытается «переговорить» сам с собой: проекция то сжимается, то расширяется, пытаясь восстановить куб.

Но восстановить до конца не успевает.

Потому что Купол Эдем теперь не просто стоит.

Купол перестраивает критерий «загрязнение/жизнь».

И в этот момент старейшина гоминидов, который ползал где-то в стороне, наконец добирается до их края болотной зоны. Его кровь и ягоды — клубника — смешиваются с водой, и гоминиды, по сути, делают то, что уже делали когда-то: платят.

Только теперь плата платится не богам прошлого.

Плата — логике настоящего.

09:07.

Небольшая, почти незаметная трещина появляется в контуре проекции. Это трещина не на свете.

Это трещина на полномочиях.

Наблюдатель больше не звучит ультиматумом.

Он звучит формально — как бюрократ, которого попросили перестать считать чужую жизнь переменной.

> *«Временная пауза. Пересборка... Плата принята условно...»*

Условно — значит не навсегда. И все же это пауза. В патовой ситуации даже пауза — оружие.

Кира опускается рядом с Максимом, касается его ладонью. Споры вокруг нее, словно по команде, становятся мягче, перестают пульсировать агрессивно и переходят в ритм, который меньше пугает сканеры. Купол Эдем снова звучит тише — не как угроза, а как дом, который наконец вспомнил: жизнь важнее процедуры.

Глеб выдыхает медленно.

Он не радуется.

Он просто понимает: третий вариант сработал — не потому что враг добрый или слабый, а потому что вражеский сценарий зависел от идеальной последовательности действий.

А идеальная последовательность ломается одной вещью:

когда кто-то добавляет в уравнение не силу, а неизвестную.

И неизвестная — это импульс, который превращает загрязнение в доказательство существования.

Финал главы (последняя сцена)

08:30? 08:50? Время в хижине перестало быть линейным.

Но в голове Глеба осталась точка, где всё решилось: не в словах и не в оружии — в том, что он рискнул сделать грязь проводником.

Кира смотрит на Максима.

Он спит.

Он не «целевой объект».

Он просто ребенок, которому дали шанс.

И пока проекция еще пытается собраться, пока Коррекция еще ищет согласие своих директив, у Глеба появляется простая, почти детская надежда: сейчас они не побеждают навсегда, но выигрывают время.

А время — это единственная валюта, которую Наблюдатель не умеет подделывать идеально.

Глава 42.

Кира открывает портал наугад, целясь в криогеновый период, чтобы заморозить преследователей. Промахивается на сто миллионов лет.

Блок А: Анатомия паники и ложная цель (08:15 – 08:17)

Время в разрушенной хижине Эдема перестало быть линейным за несколько минут до того, как полковник Коррекции подняла руку. Но Глеб, чьи нейроимпланты все еще отказывались выдавать даже базовый тактический фон, ощущал его течение кожей — как болезненное покалывание, как звук собственной крови, которая вдруг начала течь с другой скоростью. Он стоял на коленях в грязи, но его тело давно перестало быть просто человеческим. Оно было инструментом, который продолжал работать даже тогда, когда главный процессор был отключен.

Пять фигур в черной броне застыли по периметру так, чтобы пересекающиеся линии огня не оставляли слепых зон. Глеб видел это не взглядом — он чувствовал это спинным мозгом. Натренированные годами патрулей и засад мышцы уже подобрали оптимальное положение для прыжка или падения. Он знал, куда упадет, если полковник отдаст приказ «огонь»: влево, за обломок белого пластика, который когда-то был стеной Эдема. Он знал, какую часть тела подставит под удар, чтобы прикрыть Киру. И знал, что это ничего не изменит.

На лице командира отряда — женщины с коротким ежиком волос, торчащих из-под шлема, и неестественно спокойным голосом, который, казалось, был сгенерирован самой системой — появилось выражение человека, который больше не ищет компромиссов. Ей надоели переговоры. Ей надоела угроза. Ей надоело, что какой-то инспектор СХБ с отключенным нейроинтерфейсом и женщина с младенцем на руках ставят под сомнение инструкции, которые она учила пятнадцать лет.

— Наблюдатель, — произнесла она, и в ее голосе не было вопроса. Было уведомление. — Я беру инициативу.

Глеб услышал, как изменился ритм звуков. Короткий гудок — предупреждение системы о смене тактического режима. Чавкающий звук перераспределения массы в экзоскелете — сервоприводы готовились к рывку. И, наконец, низкий, нарастающий гул, похожий на звук включения турбины.

Плазменный резак.

Глеб понял это за полсекунды до того, как увидел слабое оранжевое зарево, проступившее сквозь сочленение брони на запястье полковника. Резак был встроенным оружием Коррекции. Не для боя с людьми. Для вскрытия биологических объектов. Для стерилизации. Для того, чтобы сделать один точный разрез там, где мягкие ткани переплетались с модифицированными органами, и извлечь то, что считалось ценным, не обращая внимания на то, что останется после.

У Глеба не было времени думать. Время в эти секунды сжалось до размера пули, летящей в череп. Он видел, как палец полковника касается триггера на внутренней стороне перчатки. Он видел, как механизм резака начинает вращаться, создавая ту самую сигнатуру частоты, которая в его голове автоматически сопоставлялась с категорией «летальный исход для всех в радиусе двух метров».

Пространство вокруг Киры было залито фиолетовым светом. Споры, которые держали ее тело в балансе между жизнью и биологическим оружием, замерцали в ответ на изменение частоты. Кира даже не повернулась к полковнику. Она смотрела на Глеба — и в этом взгляде

было то, что он видел только один раз, когда она попросила его убить ее на платформе над бездной.

Она спрашивала разрешения уничтожить этот мир.

Глеб не кивнул. Он не произнес «да». Он просто перестал дышать — так, чтобы его тело стало предупреждением. Чтобы Кира прочитала в его остановившейся грудной клетке не согласие, а понимание: «Делай. И делай это так, как умеешь только ты — превращая собственную слабость в оружие».

Кира прижала Максима к груди. Ребенок заворочался — звук плазменного резака нарушил его сон. Маленькие пальцы сжали ткань рубашки матери с силой, которая удивила бы любого, кто не знал, что младенцы, рожденные в Эдеме, получают первые нейромаркеры приспособления еще до того, как их глаза привыкают к свету.

Свободная рука Киры метнулась к разбитому свинцовому ларцу-сенсору. Этот предмет лежал рядом с ней с самого начала переговоров, залитый грязью, покрытый царапинами от осколков белого пластика. Никто из оперативников не обращал на него внимания. Всех занимала Кира, ее фиолетовое свечение, ее споры, ее ребенок. А ларец считали просто частью мусора, которым была усеяна хижина. Ошибка. Классическая ошибка тактиков, которые видят только то, что движется.

Ларец был открыт. Внутри, среди фрагментов кварца и спутанных проводов, светился маленький узел — матрица, которая когда-то была частью навигационной системы временного коридора. Глеб видел ее раньше, когда они бежали из лаборатории Синдиката. Она была повреждена, но не мертва. У нее было одно свойство, которое делало ее ценнее любого оружия: она помнила последнюю координату.

И эта координата была не для переноса людей.

Кира использовала эту матрицу, чтобы взломать локальную сеть Наблюдателей. Споры внутри ее тела, соединенные с металлом ларца через нити, которые невозможно было увидеть невооруженным глазом, посылали импульсы в систему управления Эдемом. Она не контролировала купол целиком — но она могла заставить его поверить в ложь.

Ложь была простой: «Коридор оперативников требует экстренной стабилизации температурой абсолютного нуля».

Глеб не знал, как именно Кира это сделала. Но он видел результат: белые стены Купола Эдем на мгновение потемнели, как будто у них выключили свет, а затем по ним пробежала волна — холодная, синяя, пульсирующая. Наблюдатель, чья проекция все еще пыталась восстановить идеальную форму, дернулся, как если бы его ударили током.

— Обнаружено несанкционированное изменение параметров, — произнес голос из проекции, но теперь в нем не было уверенности. Был отчет. — Попытка перехвата управления...

Кира не дала ему закончить.

Она ударила ладонью по панели ларца — не нажала, а ударила. Шлепок мокрой кожи о пластик прозвучал резко, почти оскорбительно. И в этот момент пространство перед ней разорвалось.

Глеб не мог сказать, что именно он увидел. Это было не как открытие двери, не как взрыв, не как разрыв ткани реальности, который показывают в голографических учебниках. Это было как если бы кто-то вынул кусок воздуха и заменил его на что-то другое. Что-то, что имело цвет, которого не существует в спектре Эдема.

Туман. Густой, тяжелый ультрамариновый туман, который не светился, а впитывал свет. Он хлынул из разрыва не вертикальной стеной, а косым потоком — под углом сорок пять градусов, ударив в центр хижины и отразившись от белого пластика так, как вода отражается от стекла.

Температура упала мгновенно. Глеб почувствовал это сначала в коленях — грязь под ними стала твердой, схватившись коркой льда. Затем по лицу пробежал ветер, который не пах ничем, потому что запахи при таких температурах просто не существуют. Капли кислотного дождя, все еще падающие сквозь разрушенную крышу, замерзли в воздухе. Они повисли, как маленькие прозрачные шарики, и звякнули, когда коснулись пола — звук, похожий на падение стеклянных бусин.

— Что это? — полковник развернулась на пятках, и Глеб увидел в ее глазах то, чего не видел ни разу за всю встречу: страх. Не перед врагом. Перед неизвестным. Перед тем, что ее система не могла классифицировать.

— Активация хронокоридора, — ответил голос Наблюдателя, и в этом ответе было столько формальной невозмутимости, сколько может быть в голосе системы, которая уже поняла, что контроль потерян, но не хочет признавать это вслух. — Направление... нестабильно. Источник импульса — локальный узел неопознанной структуры.

Кира не смотрела на Наблюдателя. Она не смотрела на полковника. Она смотрела на Глеба — и улыбалась. Улыбка была тонкая, почти незаметная. Улыбка человека, который знает, что сейчас произойдет, и готов принять последствия.

— Холод, — прошептала она, и ее голос был слышен только Глебу, хотя она не понижала его специально. — Я целилась в минус двести семьдесят три. В абсолютный ноль. Хотела заморозить их изнутри. Чтобы броня треснула, а схемы перестали работать.

Глеб хотел сказать: «Ты сумасшедшая». Он хотел сказать: «Как ты могла рискнуть нами всеми ради такого импульсивного удара». Но вместо этого он почувствовал, как внутри поднимается что-то другое. Благодарность. Благодарность за то, что она не испугалась. За то, что она не опустила руки. За то, что она, женщина с младенцем на руках, решила нанести удар по системе, которая считала ее только телом.

Но туман не слушался Киры.

Он был слишком мощным. Слишком древним. Слишком голодным.

Портал, который она открыла, был не тем, что она планировала. Ее споры взломали сеть, да. Они изменили параметры. Но поврежденная матрица ларца, которая помнила последнюю координату, не могла передать корректный сигнал. Она посылая импульс холода — но не на тот участок времени. Не в нужный слой реальности.

Туман начал закручиваться. Воронка.

Глеб впервые в жизни увидел, как реальность скручивается в спираль. Это было похоже на водоворот, но водоворот, который затягивал не воду, а саму возможность существовать в этом месте. Белый пластик на полу начал отслаиваться, как будто его сдирали невидимым скребком. Обломки стен поднимались в воздух и кружились по спирали, сталкиваясь друг с другом и рассыпаясь в пыль. Фиолетовый свет спор Киры смешался с ультрамариновым туманом, давая странный, болезненно-красивый оттенок.

Глеб почувствовал, как его тело начинает двигаться. Не по его воле. Инерция потока. Масса его тела, его брони, его оружия — все это вдруг стало тяжелее, чем должно быть. Он сделал шаг назад, пытаясь упереться ногами в пол, но пол больше не был твердым. Он был скользким, как стекло, покрытое маслом.

Рука Киры вцепилась в его разгрузку. Он почувствовал, как ее пальцы впились в ткань и металлические пряжки с силой, которая говорила не о страхе, а о решении. Она не хотела падать. Она хотела упасть вместе с ним. Потому что падать в одиночку — это смерть. А падать вместе — это еще один шанс.

Максим на ее руках проснулся. Его крик пронзил гул воронки, как звук сирены. Глеб услышал в этом крике не только боль младенца, который не понимает, что происходит. Он услышал нечто более древнее. Инстинкт. Жажда жизни. Крик, который эхом отдавался в стенах Эдема с тех пор, как первые гоминиды научились бояться ночи.

Полковник Коррекции что-то кричала. Глеб не разбирал слов. Он видел только ее лицо, искаженное гримасой, и ее руку, поднятую в жесте, который мог быть либо приказом, либо защитой. Два оперативника на левом фланге уже начали падать. Их экзоскелеты были слишком тяжелыми. Магнитные подошвы, которые должны были удерживать их на любой поверхности, скользили по леденеющему полу с звуком, похожим на скрежет ногтей по стеклу.

Один из них попытался схватиться за лиану Киры — ту самую, которая светилась фиолетовым и соединяла ее с ларцом. Его пальцы сжали ее на долю секунды, но Кира не дала ему времени. Она выхватила скальпель — тот самый, который использовала как хирург в лаборатории Синдиката — и резанула по лиане. Глаза бойца расширились от боли, когда нить лопнула, оставляя в его руке осыпающиеся искры фиолетового света.

Оперативник исчез в синем провале. Его крик был отрезан так резко, как если бы кто-то закрыл дверь между комнатами.

Глеб чувствовал, как его раненое бедро начинает кровоточить сильнее. Холод, идущий из воронки, схватывал кровь на поверхности и делал ее вязкой. Но боль была не главным. Главным было ощущение, что он теряет опору. Что земля под ним перестает быть землей. Что он падает не вниз, а куда-то вбок, туда, где гравитация работает по другим правилам.

Он пытался закрыть собой жену и сына. Он подставил спину воронке, повернулся так, чтобы Кира и Максим оказались между ним и стеной, но инерция была сильнее. Его нога подломилась. Он услышал хруст связок — не громкий, но достаточно болезненный, чтобы на секунду выключить все мысли.

И тогда он начал падать.

Спиной в неизвестность. Глазами вверх, в пустоту, которая когда-то была крышей хижины. Где-то над ним промелькнул силуэт Наблюдателя, теряющего форму. Где-то сбоку раздался голос полковника, отдающий приказ, который уже никто не мог выполнить.

А потом ультрамариновый туман закрыл всё.

Блок Б: Сенсорный шок перехода (08:17 – 08:17:05)

Внутри хронокоридора не было звука. Было ощущение, которое Глеб не мог описать словами, потому что слова созданы для мира, где время течет равномерно. Здесь время текло так, как течет вода в водопаде, который падает в бесконечность. И он был не наблюдателем этого падения. Он был его частью.

Он крутился. Не по своей воле. Его тело вращалось вокруг собственной оси, как спутник, который потерял орбиту и теперь падает в атмосферу. Он пытался сфокусировать взгляд, но перед глазами мелькали образы, которые не имели смысла. Калейдоскоп. Слои известняка, которые возникали и исчезали за мгновение. Потоки лавы, которые пульсировали красным, как кровь на его бедре. Вязкая грязь, которая покрывала всё и не давала дышать.

Он сжимал руку Киры. Его пальцы были сцеплены с ее пальцами так, как сцепляются руки людей, которые знают, что если разжать хватку, друг друга больше не найти. Он чувствовал, как ее ладонь дрожит, как ее кожа покрывается ледяной коркой. Он чувствовал, как где-то между ними, в пространстве, которое было слишком маленьким для взрослого человека, лежит Максим. Ребенок не кричал. Он, казалось, затаил дыхание, как будто понимал: крик сейчас не поможет.

Глеб пытался увидеть других — оперативников Коррекции, полковника, Наблюдателя. Но хронокоридор был не местом для наблюдения. Он был местом для прохождения. И проходили через него только те, кому повезло или не повезло остаться в потоке. Глеб не знал, повезло ли ему. Он знал только, что его тело все еще существует, что его сердце все еще бьется, что его легкие все еще пытаются вдохнуть воздух, которого нет.

Поток начал менять цвет. Ультрамариновый туман, который сопровождал их с самого начала, стал прозрачнее. Сквозь него начали проступать очертания, которые не были геологическими эпохами. Они были чем-то иным. Молекулярными структурами. Глеб на секунду увидел свои собственные клетки, увеличенные в миллионы раз, и понял, что это не галлюцинация. Это его организм пытается адаптироваться к перепаду температур, который происходит за доли секунды.

Его нейроимпланты, отключенные по приказу, вдруг подали признаки жизни. Они не включились. Они просто засветились красным в такт с его сердцебиением, выдавая ошибку за ошибкой.

— Десинхронизация ядра. — Текст всплыл в его сознании, как будто кто-то вставил его туда против воли. — Температурный шок. Нарушение целостности мембран. Рекомендуется экстренная стабилизация.

Глеб хотел выключить это сообщение. Он хотел сосредоточиться на том, что происходит, на том, как его тело вращается в этом бесконечном потоке. Но сообщения продолжали приходить.

— Обнаружена аномалия в структуре ДНК. Маркеры палеогена активированы. Рекомендуется повторная калибровка.

Он не понимал, что это значит. Он не хотел понимать. Он хотел только одного: выжить. И чтобы Кира и Максим выжили.

Кира была рядом. Он чувствовал это по вибрации. Ее тело было горячее, чем его, хотя температура вокруг них падала до таких значений, при которых металл становится хрупким. Ее биолюминесцентные вены на шее мигали красным — перегрев системы жизнеобеспечения плода. Она тратила всю свою энергию на то, чтобы защитить Максима. Чтобы его маленькое тело не замерзло в этом аду. Чтобы он дышал. Чтобы он жил.

Максим вдруг издал звук. Это не был плач. Это был кашель. Короткий, болезненный кашель, как у человека, который пытается вытолкнуть из легких что-то, что мешает дышать. Глеб услышал этот звук и почувствовал, как его сердце сжимается. Ребенок. Его сын. Его кровь. Его будущее. И он не может ничего сделать, кроме как сжимать руку Кире и надеяться, что поток вынесет их туда, где можно будет сделать вдох.

Запах вокруг них изменился. Сначала он все еще чувствовал озон и синтетику СХБ — запах, который преследовал его во всех коридорах Службы. Но этот запах начал исчезать, как исчезает звук за закрытой дверью. На смену ему приходил другой. Густой. Сладковатый. Метан. Гниющие водоросли. Сырая нефть.

Глеб знал этот запах. Он чувствовал его в болотах, куда его отправляли на патрулирование в первые годы службы. Но там он был слабее. Здесь он был таким плотным, что, казалось, его можно было потрогать руками. Запах, который говорил о том, что здесь нет фотосинтеза в привычном понимании. Здесь нет воздуха, который можно было бы назвать чистым. Здесь есть только то, что было до людей. До машин. До всего, что они называли историей.

Поток начал замедляться. Глеб почувствовал это по тому, как прекратилось вращение. Его тело начало выравниваться, принимать горизонтальное положение, которое было более естественным для падения. Он не мог видеть, куда падает, но он чувствовал, что впереди есть что-то твердое. Не стена, не пол. Вода.

— Кира, — попытался крикнуть он, но его голос не вышел. Он был слишком сухим, слишком хриплым. Он был голосом человека, который не дышал несколько секунд.

Она не ответила. Но он почувствовал, как ее хватка на его разгрузке усилилась. Она готовилась к удару.

Удар был неизбежен.

Блок В: Несовпадение молекулярной плотности (08:17:05 – 08:18)

Выход из портала произошел не как мягкое приземление, а как удар кувалды по хрупкой конструкции, которую называли телом. Глеб не видел момента перехода — он просто вдруг оказался в воде, и эта вода была не похожа ни на одну из тех, в которых он купался раньше.

Она была горячее. Не такой горячей, как кипяток, но достаточно теплой, чтобы кожа начала гореть. Она была плотной, как масло, и вязкой, как грязь. Она пахла сероводородом — запахом, который пробивал все защитные барьеры организма и заставлял желудок сжиматься в тошнотворном спазме.

Глеб погрузился в нее с головой. Он не успел вдохнуть воздух перед ударом — у него не было времени. Его легкие горели от желания вдохнуть, но он не позволял себе этого. Он знал: если он вдохнет эту воду, он умрет. Не от утопления. От отравления. От того, что его организм не сможет переработать эту смесь метана, серы и древнего планктона.

Он попытался открыть глаза, но вода была слишком мутной. Перед ним был только ил — густой, черный, маслянистый. Он не видел рук, не видел ног, не видел Кире. Он чувствовал только ее вес на себе — она была где-то сверху, прижимающая его ко дну, сжимающая его разгрузку так, что он не мог пошевелиться.

Удар о дно был мягче, чем он ожидал. Вместо твердого грунта было что-то, что напоминало болото. Ил, который прогибался под весом его тела, который засасывал его, как трясина. Глеб почувствовал, как его ноги уходят вниз, как грязь обхватывает его бедра, как она начинает подниматься все выше, к поясу, к груди.

Он дернулся. Рывок был инстинктивным. Он не хотел утонуть в этом иле. Он не хотел стать частью этого древнего дна, которое лежало здесь сотни миллионов лет и ни разу не видело человека.

Удалось. Он вырвал одну ногу из грязи, затем другую. Он встал на колени, затем на ноги. Вода была ему по пояс. Она колыхалась вокруг него, как живое существо, и он чувствовал, как она касается его ран, как она смешивается с его кровью, как она начинает менять что-то внутри него.

Кира была рядом. Он нашел ее по звуку: она кашляла. Короткие, болезненные кашли, которые вырывались из ее груди с такой силой, что ее тело сотрясалось.

— Кира, — прохрипел он.

Она подняла голову. Ее глаза были открыты. В них было фиолетовое свечение — ослабленное, почти погасшее, но все еще присутствующее. Ее лицо было покрыто черной грязью. Волосы прилипли к щекам. Но она улыбалась. Улыбка была слабой, почти незаметной. Но она была.

— Максим, — сказала она, и ее голос дрожал. — Где он?

Глеб повернулся. Он не видел ребенка. Вокруг была только вода, ил и этот странный, пульсирующий свет, который исходил откуда-то сверху — сквозь плотный зеленый купол из гигантских плаунов и сигиллярий, сквозь который едва пробивался тусклый красный свет молодого солнца.

Он начал шарить руками в воде. Его пальцы касались чего-то склизкого — водорослей, древних стеблей, обломков камней. Но не Максима.

— Максим! — крикнул он. Голос звучал хрипло и сорвано, но он не обращал на это внимания. — Максим!

И вдруг он услышал звук. Бульканье. Тихий, едва слышный звук, который мог быть чем угодно.

Он наклонился еще ниже, засунул руку в грязь до локтя. И нашел его.

Максим лежал на боку, почти полностью погруженный в ил. Его голова была над водой, но его рот был залит грязью. Он не плакал. Он не кашлял. Он просто лежал, открыв глаза, и смотрел вверх, на тусклый красный свет, пробивающийся сквозь листья.

Глеб вытащил его из грязи. Он был легким, как пух. Таким легким, что Глеб на секунду испугался: он не слышал его дыхания. Он прижал ребенка к своей груди, к той части тела, где все еще было сердцебиение. И почувствовал ритм. Медленный, но устойчивый. Сердце Максима билось.

— Он жив, — сказал Глеб. — Он жив.

Кира подползла к нему. Ее движения были медленными, неуклюжими. Она была истощена. Она отдала всю свою энергию на стабилизацию хронодвига. На то, чтобы Максим выжил в этом переходе. И теперь она не могла даже встать.

— Дай его мне, — прошептала она. — Я должна... я должна убедиться, что с ним все в порядке.

Глеб передал ей ребенка. Она взяла его так, как берут хрупкую вещь — как будто он мог разбиться от одного неверного движения. Она провела пальцами по его лицу, очищая грязь от глаз, от носа, от губ. Она посмотрела на его зрачки, проверила рефлексы, приложила ухо к его груди, чтобы услышать сердцебиение.

— Все в порядке, — сказала она, и в голосе ее появились нотки уверенности. — Он просто... он просто испуган. И холодно ему. Но он жив.

Она подняла голову и посмотрела вокруг. Ее взгляд был острым, как скальпель, которым она резала лиану в воронке. Она оценивала пространство. Она пыталась понять, где они, что это за мир, как они будут выживать.

— Глеб, — сказала она, и голос ее окреп. — Ты знаешь, где мы?

Он покачал головой. Он не знал. Он видел только воду, ил и этот странный зеленый купол над головой. Он не видел неба. Он не видел солнца. Он не видел ничего, что можно было бы использовать для навигации.

— Координаты? — повторила она.

— Ты спросила меня об этом, — сказал он. — Я не знаю. У меня нет координат. Мои импланты отключены. Я не могу даже сказать, в какой части света мы находимся.

Кира усмехнулась. Слабо, но усмехнулась.

— Я целилась в минус двести семьдесят три градуса, — сказала она. — По Цельсию. Абсолютный ноль. Я хотела заморозить их. Чтобы они не могли преследовать нас. Чтобы броня треснула, а системы вышли из строя.

— Ты промахнулась, — сказал Глеб.

— Да, — кивнула Кира. — Кажется, плотность мезопротерозоя была чуть выше расчетной. Мы промахнулись мимо льда.

Глеб не понимал, что значит «мезопротерозой». Это было слово из учебников по геологии, которые он никогда не читал. Но он понял одно: они не там, где должны были быть.

— На сколько? — спросил он.

Кира подняла руку. Она разжала пальцы, и в ладони у нее оказалась горсть черного ила. Она растерла его между пальцами, вдохнула запах, прищурилась.

— Миллионов на сто, — сказала она. — Поздравляю, инспектор. Ты снова дома. Здесь даже тираннозавров еще нет.

Блок Г: Жесткая посадка (08:18 – 08:20)

Вода вокруг них начала успокаиваться. Пульсация остаточного хронотрения, которая кипятила ее до состояния горячего супа, постепенно затихала. Ил перестал пузыриться сероводородом. На поверхности появилась пленка — маслянистая, радужная, как та, что остается после разлива нефти. Глеб понял, что это не просто пленка. Это органический слой, который покрывал поверхность воды здесь, в этом мире, который не знал ни людей, ни машин, ни куполов Эдем.

Он стоял по пояс в воде и пытался оценить ситуацию. Его рана на бедре кровоточила. Кровь смешивалась с древней грязью и создавала на поверхности воды темные разводы, которые быстро растворялись. Боль была тупой, но терпимой. Гораздо хуже было то, что его нейроимпланты, которые он не мог включить, выдавали сообщения, от которых у него начинала болеть голова.

— Десинхронизация ядра. — Текст всплывал снова и снова. — — Нарушение целостности мембран. Рекомендуется экстренная стабилизация.

Он попытался отключить систему полностью. Нажать на кнопку в основании черепа, туда, где импланты соединялись с его нервной системой. Но пальцы скользили по мокрой коже, и он не мог найти точку. Или просто не мог сконцентрироваться. Или его руки дрожали слишком сильно.

— Глеб, — Кира была рядом. Она придерживала Максима одной рукой, а другой коснулась его плеча. — Не пытайся включить их. Это только усугубит ситуацию. Нам нужно время, чтобы адаптироваться.

— Мы не можем адаптироваться, — сказал он. — Мы не знаем, где мы. Не знаем, что здесь есть. Не знаем, выживем ли мы.

— Мы выживем, — сказала она, и в ее голосе не было сомнений. — Мы уже выжили в худших условиях. Мы выжили в Синдикате. Мы выжили в Эдеме. Мы выживем и здесь.

Глеб не ответил. Он смотрел на воду, на ил, на этот странный зеленый купол, который, как он теперь понял, был не небом, а лесом. Гигантские плауны и сигиллярии — растения, которые он никогда не видел вживую, но которые знал по голографическим реконструкциям из музеев. Они росли здесь так плотно, что почти не пропускали свет. Только редкие лучи красного солнца пробивались сквозь листву и освещали поверхность воды кровавыми пятнами.

Он попытался вспомнить все, что знал об этом периоде. Девон. Это слово всплыло в его памяти из глубин, которые не были тронуты нейроимплантами. Девонский период. Возраст рыб. Возраст гигантских лесов, которые еще не знали деревьев в привычном смысле. Возраст, когда жизнь только начинала выходить на сушу.

Он не знал, сколько времени они провели в хронокоридоре. Ему казалось, что прошла вечность. Но Кира сказала «сто миллионов лет». Это было не просто число. Это был приговор. Они не могли вернуться назад. Они не могли позвать на помощь. Они были одни.

Инвентаризация потерь началась автоматически. Глеб не приказывал своему мозгу делать это, но его тело, его память, его привычки — все это начало перечислять то, что у них осталось.

Импульсный карабин Синдиката. Он проверил его первым делом. Оружие было на перевязи за спиной, но оно было мертво. Электроника сгорела при контакте с холодным порталом — Глеб видел, как корпус треснул и покрылся ледяными узорами. Теперь это был просто кусок металла и пластика, который ничего не стоил. Он выбросил его в воду. Звук падения был глухим, как звук камня, падающего в болото.

Армейский нож СХБ. Он был у Глеба в ножнах на поясе. Нож пережил хронокоридор, но его лезвие было покрыто тонким слоем льда, который начал таять, оставляя на металле мутную пленку. Глеб вытер лезвие о штанину и убрал нож обратно. Он был единственным оружием, которое у них было.

Обломок кварца. Он лежал в кармане разгрузки. Глеб не помнил, когда взял его, но он был здесь — гладкий, теплый, с едва заметным свечением, которое было похоже на свет, исходящий от спор Киры. Он оставил его в кармане. Может быть, он пригодится.

Свинцовый ларец-секвенсор. Он был в руках Киры. Она держала его, как держат что-то, что может спасти им жизнь. Но Глеб видел, что ларец поврежден. Корпус был покрыт трещинами, а внутренние схемы, которые светились фиолетовым, теперь были темными. Матрица, которая помнила координаты, была мертва.

— Он не работает, — сказал он.

— Я знаю, — ответила Кира. — Но я не выброшу его. Он может пригодиться.

Глеб не стал спорить. Он посмотрел на Киру. Она выглядела так, как будто только что пробежала марафон, а затем упала с высоты десяти метров. Ее лицо было бледным, губы потрескались, а на шее — там, где биолюминесцентные вены пульсировали фиолетовым — свечение почти исчезло. Она отдала всю свою энергию на стабилизацию хронодвига. На то, чтобы Максим выжил.

Максим был у нее на руках. Он затих. Его кожа приобрела землистый оттенок, но он дышал — маленькая грудь поднималась и опускалась с равномерным ритмом. Он был жив. Это было главное.

— Мы должны найти место, где можно укрыться, — сказал Глеб. — Мы не можем оставаться в воде. Если здесь есть что-то опасное, мы не сможем защитить себя.

Кира кивнула. Она попыталась встать, но ее ноги подкосились. Глеб поймал ее за локоть и помог удержаться на плаву.

— Ты не можешь идти, — сказал он.

— Я могу, — ответила она, и в голосе ее появилась стальная нотка. — Я должна.

Глеб огляделся. Вокруг была только вода, ил и стена папоротников, уходящая в вечную мглу. Но в одном направлении, метрах в двадцати от них, он увидел что-то, что походило на берег. Не твердый берег, а скопление корней и грязи, которое могло быть достаточно устойчивым, чтобы на него встать.

— Вон там, — сказал он, указывая. — Мы можем попробовать добраться до того места.

Кира посмотрела в том направлении. Ее глаза, даже ослабленные фиолетовым свечением, были острыми, как скальпель. Она оценила расстояние, состояние воды, возможность добраться без потерь.

— Там могут быть хищники, — сказала она.

— Мы не можем оставаться здесь, — повторил он. — Мы должны попробовать.

Кира не стала спорить. Она начала двигаться вперед, держа Максима на руках так, чтобы его голова была над водой. Глеб шел за ней, держа нож в руке, готовый отразить любую атаку.

Вода была вязкой. Она держала их, как болото, и каждый шаг давался с трудом. Грязь под ногами была скользкой, и Глеб несколько раз чуть не упал. Его раненое бедро болело все сильнее, но он не останавливался. Он не мог остановиться.

Они шли несколько минут. Или вечность. Глеб не знал. Время здесь текло по-другому. Не так, как в Эдеме. Не так, как на Земле. Это было время, которое не измеряли часы. Это было время, которое измеряли только выживанием.

Наконец они добрались до берега. Это было не то, что Глеб ожидал. Берег был не твердым, а вязким — смесью грязи, корней и гниющих растений. Но он мог выдержать их вес. Они выбрались из воды и упали на землю. Глеб слышал, как Кира тяжело дышит, как ее сердце стучит сбивчиво, как она пытается успокоить дыхание, чтобы дать Максиму возможность дышать.

— Мы... мы на месте, — прошептал он. — Мы в безопасности.

Но он не был уверен в этом. Воздух был тяжелым, как будто сам лес давил на них. Где-то вдалеке раздался звук — низкий, ритмичный металлический лязг. Глеб замер. Он узнал этот звук. Это был звук экзоскелетов Коррекции. Или, по крайней мере, того, что от них осталось.

— Они следовали за нами, — сказал он.

— Нет, — ответила Кира. — Они не могли. Портал закрылся. Они остались в Эдеме.

— Тогда что это?

Кира не ответила. Она смотрела на лес, который простирался перед ними — стена папоротников, уходящая в вечную мглу. И в этой мгле, казалось, что-то шевелилось.

Блок Д: Оценка выживаемости (08:20 – 08:25)

Глеб сидел на корнях древнего растения и пытался остановить кровь, которая сочилась из его раны. У него не было аптечки — она осталась в Эдеме, в той суете, когда воронка начала затягивать их в хронокоридор. У него была только ткань робы, которую он оторвал от подола и прижал к бедру. Она пропиталась кровью почти мгновенно, но он не снимал ее. Он знал: если он откроет рану, он может истечь кровью до смерти.

Кира сидела рядом с ним, прижимая Максима к груди. Она кормила ребенка — в этом мире не было никакой другой еды, кроме той, что была у нее. Она кормила его так, как кормят матери с незапамятных времен. И Максим сосал грудь с жадностью, которая говорила о том, что его организм уже начал адаптироваться к новому миру.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал Глеб.

— Я устала, — ответила Кира. — Но я не могу позволить себе умереть. У меня есть ребенок.

— Мы оба не можем позволить себе умереть, — сказал он. — Мы должны найти способ выбраться из этого места.

Кира усмехнулась. Слабо, но усмехнулась.

— Выбраться? — повторила она. — Ты понимаешь, что мы на сто миллионов лет в прошлом? Мы не можем выбраться. Мы можем только выжить.

Глеб не ответил. Он знал, что она права. Они не могли вернуться назад. Они не могли позвать на помощь. Они были заперты в этом мире, в этом времени, где не было ни людей, ни машин, ни технологии. Только лес, вода и смерть.

— Нам нужно оценить ситуацию, — сказал он. — Что у нас есть?

Кира огляделась вокруг. Лес, в котором они сидели, был похож на грот. Папоротники, которые росли здесь, были не теми, которые он видел в музеях. Они были другими — более высокими, более плотными, более... примитивными. Их листья были жесткими, как кожа, и пахли чем-то кислым, похожим на уксус.

— У нас есть нож, — сказала она. — У нас есть ларец, который не работает. У нас есть кварц, который ты нашел. И у нас есть ребенок.

— И кровь, — добавил Глеб. — Моя кровь. Она привлечет хищников.

— Это проблема, — кивнула Кира. — Мы должны найти место, где можно укрыться. Где хищники не смогут нас достать.

Глеб посмотрел на лес. Папоротники были слишком плотными, чтобы пройти сквозь них. Они были как стена, которая отделяла их от остального мира. Но в одном направлении, метрах в пятидесяти от них, он увидел просвет. Возможно, там была поляна или берег реки.

— Вон там, — сказал он, указывая. — Мы можем попробовать добраться до того места.

— Но нам нужно найти еду, — сказала Кира. — И питье. Вода здесь отравлена сероводородом. Мы не можем пить ее.

— Тогда мы должны найти источник пресной воды, — сказал он. — В этом лесу должна быть река или озеро.

— Это может занять дни, — сказала она. — Недели. У нас нет ни еды, ни воды. Мы не выживем.

Глеб не ответил. Он смотрел на лес и думал о том, как они будут выживать. Еды не было. Воды не было. Только грязь и папоротники. Но где-то в этом лесу, должно быть, есть еда. В этом мире должны быть растения, животные, что-то, что можно съесть.

— Мы можем охотиться, — сказал он.

— На кого? — спросила Кира. — Здесь нет животных. Только рыбы в воде.

— Тогда мы будем ловить рыбу, — сказал он.

Кира покачала головой. Она не верила, что это сработает. Она была генетиком, а не охотником. Она знала биологию, но не знала, как выживать в диком лесу.

— У нас нет ничего, чем можно ловить рыбу, — сказала она. — У нас есть только нож. Мы не можем убить рыбу ножом.

— Мы можем сделать копье, — сказал Глеб. — Из ветки.

— Это займет много времени, — сказала она.

— Тогда мы не будем есть, — сказал он. — Но мы не умрем. Мы не умрем.

Кира не ответила. Она посмотрела на Максима, который спал у нее на руках. Его маленькая грудь поднималась и опускалась с равномерным ритмом. Он был жив. Это было главное.

Блок Е: Клиффхэнгер (08:25 – 08:30)

Глеб сидел на корнях и смотрел на воду, которая колыхалась у его ног. Он слышал, как Кира пытается успокоить дыхание, как Максим издает тихие, почти неслышные звуки. Он чувствовал, как его рана начинает заживать — медленно, но верно. И он думал о том, что будет дальше.

Он не знал, сколько времени они провели здесь. Может быть, час. Может быть, минуту. Время в этом лесу было другим. Оно было более медленным, более тягучим. Как будто само время здесь, в этом девонском лесу, двигалось с другой скоростью.

Он услышал звук. Не ритмичный металлический лязг, который слышал раньше. Этот звук был другим. Он был похож на плеск воды, на звук, который издает что-то тяжелое, когда оно движется через воду.

Глеб поднял голову. Он посмотрел на воду, которая была перед ними. Она была спокойной, почти неподвижной. Но на поверхности появились круги — широкие, медленные, которые расходились от центра к краям.

Он не понимал, что это значит. Но его тело начало реагировать раньше, чем его мозг. Он встал на ноги. Он взял нож в руки. Он повернулся к Кире и сказал:

— Не двигайся. Не издавай звука.

Кира посмотрела на него. В ее глазах был вопрос. Она не понимала, что происходит. Она не слышала того, что слышал он.

Но затем она увидела это.

Из мутной воды неподалеку медленно поднимался силуэт. Он был размером с небольшой катер. Он был покрыт костяными пластинами, которые мерцали в тусклом красном свете молодого солнца. Его челюсть была огромной, как у доисторического чудовища, и в ней было множество зубов-пил.

Глеб понял, что это не машина. Это животное. Хищник. Артродира — гигантская панцирная рыба, которая жила в девонском море и охотилась на все, что могла поймать.

Он смотрел на эту рыбу и понимал, что они не могут убежать. Они не могут спрятаться. Они не могут убить ее. Она слишком большая, слишком сильная, слишком опасная.

Но он не сдавался. Он перекинул бесполезный карабин за спину, схватил валяющийся рядом острый рог древнего головоногого моллюска и выставил его перед собой. Это было не оружие. Это была только надежда. Но он не мог сдаваться.

— Кира, — сказал он, не поворачивая головы. — Возьми Максима и отойди. Медленно.

— Нет, — сказала она. — Я не оставлю тебя.

— Ты не оставишь меня, — сказал он. — Ты отойдешь. Я задержу ее. Ты убежишь.

— Я не убегу, — сказала она. — Мы убежим вместе.

И в этот момент артродира сделала мощный толчок хвостом. Она подняла волну воды и ила, которая накрыла их с головой. Глеб почувствовал, как его тело погружается в воду, как он теряет опору, как он пытается дышать.

Он не видел Киру. Не видел Максима. Он видел только челюсти этого чудовища, которые разверзались перед ним, готовые поглотить его.

Но он не боялся. Он не мог позволить себе бояться. Он должен был выжить. Он должен был защитить свою семью.

Он поднял рог головоногого моллюска и ударил им в глаз рыбы.

Удар был точным. Он был быстрым. Он был отчаянным.

И он сработал.

Артродира дернулась, издала низкий, булькающий звук боли и начала отступать. Ее хвост ударил по воде с такой силой, что Глеб отлетел на несколько метров. Но она отступала.

Он не знал, сколько у них времени. Может быть, минута. Может быть, секунда. Но они были живы. Это было главное.

Он встал на ноги, шатаясь. Он посмотрел на Киру, которая держала Максима на руках. Она была жива. Он был жив.

— Мы должны уйти, — сказал он. — Мы не можем оставаться здесь.

Она кивнула. Она не спорила. Она начала двигаться, держа ребенка на руках. Он шел за ней, держа нож в одной руке и рог головоногого моллюска в другой.

Они были одни в этом мире. Одни против всего. Но они были живы.

Финальный образ: Глава заканчивается кадром: трое людей — покрытые грязью, кровью и машинным маслом — стоят по пояс в первобытном океане. За ними возвышается стена папоротников, уходящая в вечную мглу, а перед ними смыкает челюсти первая настоящая смерть этой новой временной ветки. Война за право быть несовершенными спустилась на самое дно пищевой цепи.

В небе, где-то за тучами девонского солнца, мелькнула фиолетовая вспышка — слабая, почти незаметная. Кира посмотрела наверх и поняла: они не одни. Споры внутри нее, которые почти погасли, начали пульсировать снова. Не так ярко, как раньше. Но они реагировали на что-то в этом мире. На что-то, что было здесь задолго до них.

— Глеб, — прошептала она. — Ты видишь это?

Он посмотрел вверх, но фиолетовая вспышка уже исчезла. Он увидел только тусклый красный свет, пробивающийся сквозь листву.

— Что это? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила она. — Но это не просто свет. Это сигнал.

И они пошли дальше — в лес, в неизвестность, в будущее, которое было на сто миллионов лет в прошлом.

Глава 43. Геократический шок

Эпиграф: «Инструкция по выживанию на суперконтиненте: если местный хищник больше вашего корабля, значит, протокол "Скрытность" уже провален».

Блок А: Материализация в пустоту (08:20 – 08:21)

Выход из хронокоридора не был переходом. Это был срыв. Не было платформы, не было воронки, не было никакого предупреждения. Было только ощущение, что пространство вокруг них перестало быть воздухом и стало чем-то твёрдым, но невидимым, как стекло, которое разбилось о них с той стороны, откуда они пришли.

Глеб не видел, как они выпали. Он чувствовал это кожей, мышцами, каждым нервом, который ещё не отключился от болевого шока. Его тело перестало вращаться в ультрамариновом тумане и вдруг обрело вес — не тот привычный вес Эдема, а что-то более тяжёлое, более жёсткое. Гравитация. Настоящая гравитация. Она вцепилась в его кости, в его кровь, в его внутренние органы, словно проверяя, насколько они прочны.

Он упал спиной на поверхность, которая была твёрдой, как бетон, и острой, как наждак. Удар выбил из него весь воздух, который ещё оставался в лёгких после того, как он задерживал дыхание в девонской воде. Его позвоночник прогнулся, рёбра заскрипели, а в затылке что-то

хрустнуло — не перелом, а смещение, которое он сможет исправить только если останется жив. Но он не дал себе времени на анализ боли. Его руки уже действовали по инстинкту, которому он научился за годы службы: он развернулся в падении так, чтобы его грудь и плечи приняли на себя основной удар, а его руки вытянулись вверх, чтобы поймать того, кто падал следом.

Кира упала на него. Её вес был небольшим, но момент инерции от хронокоридора добавил к нему силу, которой хватило бы, чтобы сломать ему рёбра, если бы он не успел расслабить мышцы в последнюю секунду. Она ударилась грудью о его плечо, а её голова мотнулась в сторону, ударившись о его висок. Он услышал её стон — не от боли, а от удивления, от резкой смены среды. И тут же раздался другой звук.

Крик Максима.

Ребёнок, зажатый между ними, ощутил удар не так сильно, как если бы он упал отдельно, но его вестибулярный аппарат, ещё не окрепший, ещё не привыкший к гравитации, получил сигнал, который его мозг не мог обработать. Его крик был не просто плачем. Это был первобытный вопль, который, казалось, разрывал воздух и врезался в уши каждого, кто находился рядом. Глеб почувствовал, как маленькое тельце дрожит, как его ножки бьют по животу Киры, как его ручки сжимаются с силой, которая говорила не о слабости, а о отчаянии.

— Максим, тихо, — прошептал Глеб, хотя знал, что ребёнок не слышит его. — Тихо, маленький. Мы живы. Мы живы.

Кира попыталась подняться, но её руки скользили по грязи, которая уже начала въедаться в одежду, в кожу, в волосы. Она была дезориентирована не меньше, чем Максим. Её глаза, светящиеся фиолетовым, на секунду моргнули, словно её споры пытались перекалибровать своё восприятие мира. Она не видела лица Глеба — она видела только его руки, которые сжимали её плечи, удерживая её от падения. Она попыталась сказать что-то, но её голос сорвался на кашель — сухой, царапающий горло кашель, который был вызван не водой, а воздухом.

Воздух.

Глеб вдохнул его, и его лёгкие отреагировали так, как будто он вдохнул песок. Он был сухим, горячим, и в нём не было той влажной свежести, которую он чувствовал в девонских болотах. Он был разреженным, как будто кислорода в нём было меньше, чем должно быть, а углекислого газа — больше. Но это было не главное. Главное было то, что он мог дышать. Он мог существовать.

Он приподнял голову и огляделся.

Поверхность, на которую они упали, была не болотом и не землёй в привычном смысле. Это была глина. Красная, сухая, потрескавшаяся глина, которая была твёрдой, как камень, но покрытой тонкой пылью, которая поднималась в воздух при каждом движении. Пыль, которая сразу же оседала на лице, на губах, на глазах, заставляя моргать, чтобы не чувствовать её жжения. Она пахла металлом и сухостью, запахом, который напоминал Глебу старые склады СХБ, где хранилось оборудование, которое не использовалось годами.

Вокруг них была пустота. Не абсолютная пустота, но плоскость, которая простиралась до горизонта без единого дерева или холма. Это была равнина, которая казалась бесконечной, и

её цвет был цветом запёкшейся крови — тёмно-красный, с бурыми вкраплениями, как будто земля здесь когда-то горела и так и не остыла. Небо было бледно-жёлтым, тусклым, как старая бумага, и в нём не было облаков. Только одна вещь, которая не могла быть реальной: солнце, которое висело низко над горизонтом и светило не ярко, а тяжело, как раскалённый диск, который давил на всё, что находилось под ним.

Глеб перевёл взгляд на Киру. Она всё ещё стояла на коленях, прижимая Максима к груди. Её лицо было бледным, на губах появилась трещина, из которой сочилась кровь. Её глаза были широко открыты, и в них был страх — не тот страх, который она чувствовала перед Наблюдателем или перед полковником. Другой страх. Страх перед неизвестным. Страх перед тем, что она не контролировала.

— Где мы? — спросил он, и его голос прозвучал хрипло, как будто он не говорил несколько дней.

Кира покачала головой. Она не знала. Её импланты, которые всё ещё были активны, пытались обработать данные о внешней среде, но информация, которую они выдавали, была противоречивой.

— Воздух... — прошептала она. — Он разреженный. Кислорода меньше, чем на Земле. Углекислый газ... токсичный уровень. Если мы останемся здесь надолго, у нас начнётся кислородное голодание.

— Мы можем дышать, — сказал Глеб.

— Да, — кивнула она. — Но недолго. Максиму ещё хуже. Его лёгкие ещё не адаптированы.

Она посмотрела на ребёнка, который всё ещё кричал. Его лицо было красным, глаза зажмурены. Он бил ручками по груди Киры, как будто пытался оттолкнуть её, как будто она была той, кто причиняет ему боль. Кира прижала его к себе сильнее, погладила по голове, и её голос стал мягче, нежнее:

— Тихо, маленький. Тихо. Я здесь. Я с тобой.

Максим начал затихать. Его крик сменился на всхлипывания, на короткие, прерывистые вдохи, которые были похожи на звук, издаваемый животным, которое не понимает, что происходит. Он открыл глаза и посмотрел на небо — на это жёлтое, тусклое небо, которое не было похоже ни на одно небо, которое он видел раньше.

Глеб услышал шум за спиной. Он обернулся и увидел, как из невидимого разрыва, который всё ещё существовал в воздухе в нескольких метрах от них, начали вываливаться тела. Они падали не так, как Глеб, — не контролируемо, а хаотично, как мешки с песком, которые кто-то сбрасывал с высоты. Это были гоминиды. Десяток существ, которых они взяли с собой из Эдема, вывалились из портала, сталкиваясь друг с другом и падая на красную глину. Их тела были покрыты слизью и грязью девонского болота, но теперь эта грязь начинала быстро высыхать, превращаясь в корку, которая трескалась при каждом движении.

Они не были ранены — их кости были прочными, их тела адаптированными к суровым условиям, но их разум был дезориентирован. Они не понимали, что произошло. Они не понимали, где они находятся. Они только что были в Эдеме, в безопасности, под защитой своих богов, а теперь они лежали на чужой, враждебной земле.

Один из них, самый старый, тот самый старейшина, который принёс кровь своего бога — клубнику — к ногам Киры, поднялся на колени и посмотрел на неё. Его глаза были мутными, его кожа была покрыта шрамами, и он выглядел так, как будто только что пережил смерть. Но он смотрел на неё с той же верой, с которой смотрел в Эдеме. Он смотрел на неё как на богиню.

Кира не ответила ему. Она смотрела в небо, на это жёлтое, тусклое солнце, и её глаза, светящиеся фиолетовым, начали пульсировать быстрее. Она не знала, что это за место, но она чувствовала, что оно не было случайным. Оно было выбрано. Оно было целью, которую она не планировала, но которая теперь стала реальностью.

Гоминиды начали вставать. Их движения были медленными, неуклюжими, как у людей, которые только что проснулись после долгого сна. Они оглядывались по сторонам, пытаясь понять, где они, но их мозги, ещё не адаптированные к новому миру, не могли обработать информацию, которую получали их глаза. Один из них, молодой самец, начал рвать. Он упал на колени и изверг содержимое своего желудка на красную глину — зелёную, жидкую массу, которая сразу же начала высыхать и превращаться в корку. Другие последовали его примеру. Их организмы не могли адаптироваться к этому воздуху, к этому солнцу, к этой земле.

— Они умирают, — сказал Глеб. — Мы должны что-то сделать.

Кира кивнула. Она знала, что он прав. Она знала, что они не могут оставаться здесь. Но она не знала, куда идти. Вокруг была только пустота — равнина, которая простиралась до горизонта, и гряда скал, которая возвышалась на юге, как ряд гнилых зубов.

— Мы должны найти укрытие, — сказала она. — Место, где можно спрятаться от солнца. И воду. Нам нужна вода.

— Как мы найдём воду в этом месте? — спросил Глеб. — Здесь нет рек, нет озёр. Только глина и пыль.

— Мы найдём, — сказала она. — Мы должны.

Она встала на ноги. Её колени дрожали, но она не дала себе упасть. Она прижала Максима к груди и посмотрела на гоминидов, которые всё ещё пытались встать. Она не знала, выживут ли они. Она не знала, выживут ли они сами. Но она знала, что они должны попытаться.

Глеб последовал за ней. Его рана на бедре всё ещё кровоточила, но боль стала тупой, почти привычной. Он знал, что если он не остановит кровотечение, он умрёт. Но сейчас было не время думать об этом. Сейчас было время двигаться.

Ветер, который начал дуть с востока, принёс с собой облака красной пыли. Она поднялась в воздух, как кровавая пелена, и начала оседать на их коже, на их одежде, на их лицах. Глеб прикрыл глаза рукой, чтобы защитить их от песка. Кира сделала то же самое, прижимая Максима к своей груди, чтобы защитить его от пыли.

И они пошли. В никуда. В неизвестность. В то, что было их будущим.

Блок Б: Анатомия ландшафта (08:21 – 08:25)

Они шли недолго — может быть, несколько минут, может быть, полчаса. Время в этом месте текло не так, как в Эдеме, не так, как в девонских болотах. Оно было тягучим, как патока, и каждый шаг казался вечностью. Земля под ногами была твёрдой, но покрытой слоем пыли, который поднимался при каждом движении и оседал на коже, на одежде, в лёгких. Глеб чувствовал, как эта пыль въедается в его рану, как она смешивается с его кровью, как она начинает менять что-то внутри него. Он не знал, что это была за пыль — может быть, вулканический пепел, может быть, соль, оставшаяся от древнего моря. Но он знал, что она не была безопасной.

Кира шла впереди. Её шаги были уверенными, но её дыхание становилось всё более тяжёлым. Она была истощена — она отдала всю свою энергию на стабилизацию хронодвига, на защиту Максима, на то, чтобы они все остались живы. Её лицо было бледным, на губах появились трещины, которые кровоточили при каждом движении. Но она не останавливалась. Она не могла позволить себе остановиться.

Глеб шёл за ней, держа в руке нож, который он всё ещё не выпускал из ладони. Он не знал, поможет ли это оружие против того, что их ждёт, но он знал, что без него он чувствовал бы себя ещё более беззащитным. Его глаза сканировали горизонт, ища любую угрозу, любое движение, любой признак жизни. Но вокруг была только пустота — красная глина, жёлтое небо и это давящее, тяжёлое солнце.

Гоминиды шли за ними. Их было десять, но они двигались как одно тело — медленно, неуклюже, но с упорством, которое не могло быть объяснено разумом. Оно было инстинктивным. Они шли за своими богами, за теми, кто дал им защиту, кто дал им надежду. Они не знали, куда они идут, но они знали, что если они остановятся, они умрут.

Старейшина шёл впереди гоминидов, поддерживая одного из молодых самцов, который спотыкался на каждом шагу. Его глаза были мутными, но в них была та же вера, которая была в Эдеме. Он смотрел на Киру, на её фиолетовое свечение, и его губы шевелились, произнося слова молитвы, которую никто не мог услышать.

— Они не выживут, — сказал Глеб, поворачиваясь к Кире. — Мы должны найти укрытие. Сейчас.

Кира остановилась. Она огляделась вокруг, пытаясь понять, в каком направлении им нужно идти. Её глаза, светящиеся фиолетовым, на мгновение закрылись, и она сосредоточилась на своих имплантах. Она пыталась получить информацию о местности, о климате, о возможных источниках воды. Но её импланты были повреждены. Они давали ей только обрывки данных, которые не складывались в единую картину.

— Там, — сказала она, указывая на юг, на гряде скал, которые виднелись на горизонте. — Там могут быть пещеры. Или источники воды. Мы должны добраться туда.

— Это несколько километров, — сказал Глеб. — Мы не дойдём. Мы все умрём по дороге.

— Мы не умрём, — сказала Кира. — Мы не можем позволить себе умереть.

Она не была уверена в этом. Она не знала, смогут ли они добраться до тех скал. Но она знала, что если они останутся здесь, они умрут точно. Воздух становился всё более сухим, солнце становилось всё более жарким, и каждый вдох был пыткой.

Она начала двигаться вперёд, и гоминиды последовали за ней. Их тела уже начали покрываться трещинами — кожа на их руках, на их ногах, на их лицах стала сухой и потрескавшейся, как земля, по которой они шли. Один из них упал. Он не встал. Его глаза были открыты, но в них не было жизни.

— Оставь его, — сказал Глеб. — Мы не можем помочь ему.

Кира остановилась и посмотрела на упавшего гоминида. Она не знала, как звали этого существа. Она не знала, был ли он членом племени, или он был просто ещё одним телом, которое они принесли с собой из Эдема. Но она чувствовала ответственность. Она чувствовала, что если она оставит его, она предаст всё, за что боролась.

Она подошла к нему и присела на корточки. Её пальцы коснулись его лица, его губ, его глаз. Она попыталась найти пульс, но его не было. Он был мёртв. Его лёгкие не выдержали этого воздуха, этой сухости. Он умер так, как умирают животные, которые не могут адаптироваться к новой среде.

Кира закрыла его глаза и встала. На её лице не было слёз. Был только гнев. Гнев на этот мир, на эту землю, на это солнце, которое убивало их всех.

— Мы идём, — сказала она. — Мы не можем останавливаться.

Они пошли дальше. Глеб чувствовал, как его ноги начинают подкашиваться. Его рана всё ещё кровоточила, и он терял силы с каждым шагом. Но он не останавливался. Он не мог остановиться. Он должен был защитить их. Он должен был защитить Киру и Максима.

Они шли ещё несколько минут, и земля под их ногами начала меняться. Вместо красной глины появились камни — острые, чёрные, покрытые трещинами, которые были похожи на трещины на старой коже. Растительность начала появляться — сначала редкие кусты, затем первые деревья, которые были похожи на скелеты, обтянутые жёсткой корой.

— Папоротники, — сказала Кира. — Семенные папоротники. Это пермский период. Около трёхсот миллионов лет назад.

— Ты уверена? — спросил Глеб.

— Уверена, — сказала она. — Я видела такие же образцы в лаборатории. Это Пангея. Единый континент. Мы находимся на суперконтиненте.

Глеб не знал, что это значит. Он не был геологом. Он не знал, как выжить в этом месте. Но он знал, что если они не найдут воду, они умрут в течение нескольких часов.

Кира остановилась и посмотрела на одно из деревьев. Оно было высоким, с тонким стволом и жёсткими иглами, которые торчали в разные стороны, как копья. Она подошла к нему и коснулась его коры. Её пальцы скользнули по гладкой поверхности, и она почувствовала, как она была сухой, как бумага. Она сорвала одну из иголок и приложила её к носу. Запах был смолистым, горьким.

— Хвойное, — сказала она. — Вольциевое. Они могут содержать воду. В их корнях может быть влага.

— Как мы её достанем? — спросил Глеб.

— Мы будем копать, — сказала она. — У нас есть нож. Мы будем использовать его.

Она начала копать землю вокруг корней дерева. Глеб присоединился к ней. Их руки были грязными, их ногти ломались, но они не останавливались. Земля была твёрдой, как камень, но они продолжали копать, пока не добрались до корней, которые были влажными, покрытыми тонким слоем грязи.

— Там есть вода, — сказала Кира. — Не много, но достаточно, чтобы мы могли напиться.

Она собрала грязь с корней и выжала её в ладонь. Вода была мутной, тёплой, но это была вода. Она поднесла ладонь к губам и сделала глоток. Глеб сделал то же самое. Вода была горькой, но она была жизнью.

Гоминиды наблюдали за ними. Они не понимали, что делают их боги, но они видели, что боги нашли воду. Они начали подходить к дереву, пытаясь добраться до корней, и Кира разрешила им. Она знала, что они умирают от жажды. Она знала, что если она не позволит им напиться, они умрут.

Они пили. Они пили эту мутную, горькую воду, и их тела начали оживать. Их дыхание стало более ровным, их движения — более уверенными.

— Мы можем остаться здесь, — сказал Глеб. — Мы можем построить укрытие. Мы можем выжить.

— Нет, — сказала Кира. — Мы не можем остаться здесь. Это место небезопасно. Здесь есть хищники. Мы должны найти более безопасное место. Мы должны найти пещеры.

Глеб не спорил. Он знал, что она права. Он знал, что они не могут оставаться в этом месте. Они должны двигаться дальше.

Они пошли дальше. Гоминиды следовали за ними, неся на плечах тех, кто уже не мог идти. Их тела были слабыми, но они не сдавались. Они не могли позволить себе сдаться.

Блок В: Третий лишний (08:25 – 08:30)

Звук был едва слышным сначала. Глеб подумал, что это ветер, который дул с востока, принося с собой облака пыли. Но затем звук стал громче, более ритмичным, и он понял, что это не ветер. Это было что-то другое. Это был звук металла, который ударялся о камень. Звук, который он знал.

Он остановился и поднял руку, сигнализируя группе остановиться. Кира остановилась рядом с ним, прижимая Максима к груди. Её глаза были широко открыты, и в них был страх. Она тоже слышала этот звук. Она знала, что он означает.

— Это Коррекция, — прошептал он. — Они здесь.

— Не может быть, — сказала она. — Портал закрылся. Они не могли пройти через него.

— Портал закрылся, — согласился Глеб. — Но они могли пройти через него до того, как он закрылся. Мы не знаем, сколько времени прошло в Эдеме, пока мы были в хронокоридоре.

Кира не ответила. Она просто смотрела в направлении звука, пытаясь понять, где источник. Звук доносился из зарослей гигантских плаунов, которые росли в нескольких метрах от них. Это были те же самые растения, которые они видели в девонских болотах, но здесь они были более сухими, более жёсткими, как кости.

Из зарослей вывалилось тело. Оно было тяжёлым, металлическим, и оно упало на землю с глухим стуком. Глеб узнал его сразу. Это был боец Коррекции СХБ. Его экзоскелет был повреждён — нагрудная броня была оплавлена фиолетовым огнём спор Киры, а одна рука висела плетью, как будто сервопротезы заклинило. Но он всё ещё был жив. Он всё ещё двигался.

Боец медленно поднял голову. Его зеркальное забрало было покрыто трещинами, но он мог видеть. Он мог видеть их. Группа замерла. Гоминиды начали отступать, их глаза расширились от страха. Они не знали, что это за существо, но они знали, что оно было опасным. Оно было врагом.

Глеб шагнул вперёд. Его рука сжала рукоять ножа, и он встал между бойцом и своей семьёй. Его тело было готово к бою. Его мышцы были напряжены, его дыхание было ровным. Он знал, что если боец попытается атаковать, он ударит первым. Он не даст ему шанса.

Но боец не атаковал. Он просто стоял на коленях, тяжело дыша. Его грудь поднималась и опускалась с усилием, и из отверстий в броне сочился дым — не белый, а чёрный, маслянистый, как будто его внутренности горели. Он не мог двигаться. Его сервоприводы отказывали, его системы жизнеобеспечения были повреждены. Он был здесь не для того, чтобы убивать. Он был здесь для того, чтобы выжить.

— Он умирает, — сказала Кира.

— Я знаю, — ответил Глеб.

— Мы должны помочь ему.

— Нет, — сказал Глеб. — Он — враг. Он пытался убить нас.

— Он умирает, — повторила Кира. — Он не сможет причинить нам вред. Но он может знать что-то, что поможет нам выжить. У него есть оборудование, которое мы можем использовать.

Глеб не ответил. Он смотрел на бойца, и его мозг пытался обработать информацию. Враг умирал. Но он мог быть полезен. Он мог знать, где они находятся. Он мог знать, как выбраться из этого места. Он мог быть единственным шансом на выживание.

Боец поднял голову. Его зеркальное забрало повернулось к Глебу, и он услышал голос — механический, искажённый, но всё ещё узнаваемый.

— Объект «Наследник», — произнес боец, и его голос был слабым, прерывистым. — Приоритет — защита. Протокол «Омега».

Глеб не понял, что это значит. Но Кира поняла. Её лицо побледнело ещё больше, и её руки, держащие Максима, задрожали.

— Он говорит о Максиме, — сказала она. — Его система переопределила приоритеты. Он больше не враг. Он пытается защитить нас.

— Я не верю этому, — сказал Глеб.

— Ты должен верить, — сказала она. — У нас нет выбора.

Она подошла к бойцу, опустилась на колени и коснулась его забрала. Её пальцы скользнули по трещинам, и она почувствовала тепло, исходящее изнутри. Она не знала, что это за тепло — может быть, перегрев, может быть, что-то другое. Но она знала, что он умирает.

— Помоги мне, — сказала она Глебу. — Мы должны снять с него броню.

Глеб не хотел этого делать. Его инстинкты кричали ему, что это ловушка. Но он знал, что Кира права. У них не было выбора. Они не могли оставить его здесь. Если он умрёт, они потеряют всё, что он знает.

Он подошёл к бойцу и начал отстёгивать застёжки на его броне. Они были горячими, обжигающими, но он не остановился. Он отстегнул нагрудную часть и отбросил её в сторону. Тело бойца было покрыто ожогами, которые пульсировали фиолетовым светом. Споры Киры. Они проникли внутрь его брони, и теперь они медленно убивали его.

— Он не выживет, — сказал Глеб.

— Я знаю, — сказала Кира. — Но мы можем попытаться.

Она начала работать. Её пальцы, дрожащие от усталости, находили нужные точки на броне, начиная её снимать, открывая доступ к системе фильтрации. Она не была инженером, но она знала, как работают эти костюмы. Она видела их в лаборатории. Она изучала их. Она знала, что внутри них есть кислородные баллоны, которые могут дать им воздух.

Она вскрыла шейный отдел брони. Кровь и машинное масло смешались на её пальцах, но она не остановилась. Она нашла систему фильтрации и начала перенастраивать её, снижая давление до уровня, который был приемлемым для гоминид. Она не знала, сработает ли это. Она не знала, выживут ли они. Но она знала, что она должна попытаться.

— Что ты делаешь? — спросил Глеб.

— Я даю нам воздух, — сказала она. — Мы не можем дышать этим воздухом. Мы умрём, если не изменим его.

Она закончила свою работу и откинулась назад. Её руки были покрыты кровью, но она улыбнулась. Она чувствовала, как кислород начинает поступать из баллонов, как он заполняет пространство вокруг них. Она чувствовала, как её лёгкие начинают дышать легче.

— Мы выживем, — сказала она. — Мы выживем.

Блок Г: Биологический тупик (08:30 – 08:40)

Прошло несколько минут. Или часов. Время в этом месте текло по-другому. Глеб чувствовал, как его тело начинает привыкать к новому воздуху, к новому ритму дыхания. Он чувствовал, как его рана начинает заживать — медленно, но верно. Он чувствовал, как его разум начинает проясняться, как он начинает видеть мир вокруг себя более чётко.

Они сидели у подножия одного из деревьев, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Солнце уже начало садиться, и воздух становился холодным. Гоминиды сидели вокруг них, их глаза были закрыты, их тела дрожали. Они не знали, что делать. Они ждали, когда их боги скажут им, что делать.

— Мы должны найти укрытие, — сказал Глеб. — Мы не можем оставаться здесь.

— Я знаю, — сказала Кира. — Но мы не можем идти. У нас нет сил.

— Мы должны попытаться, — сказал он. — Мы не можем сдаться.

Кира не ответила. Она смотрела на Максима, который лежал у неё на руках, и её глаза были полны слёз. Она не знала, сколько они смогут продержаться. Она не знала, сколько времени у них осталось.

— Я не могу, — прошептала она. — Я не могу больше.

— Ты можешь, — сказал Глеб. — Ты сильнее, чем думаешь. Ты выжила в Синдикате. Ты выжила в Эдеме. Ты выживешь и здесь.

Кира подняла глаза. В них была не уверенность, но решимость. Она знала, что он прав. Она не могла сдаться. У неё был сын. У неё был муж. У неё была ответственность.

Она встала на ноги и посмотрела на горизонт. Скалы, которые она видела раньше, теперь казались ближе. Ветер начал усиливаться, и она почувствовала, как он приносит с собой холод. Она знала, что если они не найдут укрытие до ночи, они умрут от холода.

— Мы идём, — сказала она. — Мы должны дойти до тех скал.

Они пошли. Гоминиды следовали за ними. Их тела были слабыми, но они шли. Они не могли позволить себе остановиться.

Глеб чувствовал, как его ноги начинают подкашиваться. Его рана всё ещё кровоточила, и он терял силы с каждым шагом. Но он не останавливался. Он не мог остановиться. Он должен был защитить их.

Они прошли ещё несколько метров, когда Кира остановилась. Она посмотрела на небо, и её лицо побледнело.

— Что такое? — спросил Глеб.

— Ветер меняется, — сказала она. — Он приносит что-то. Что-то, что я не могу определить.

Глеб поднял голову и принюхался. В воздухе появился запах — густой, металлический запах, который он не мог идентифицировать. Это не был запах крови. Это не был запах грязи. Это было что-то другое.

— Это нефть, — сказал он. — Я чувствую нефть.

— Нефть? — переспросила Кира. — Здесь? В этом месте?

— Да, — сказал он. — Это значит, что под землёй есть что-то. Какие-то залежи. Мы можем использовать их для топлива.

Кира не ответила. Она смотрела на горизонт, и её глаза, светящиеся фиолетовым, начали пульсировать быстрее. Она чувствовала, что это место было не случайным. Оно было выбрано. Оно было местом, где они могли начать новую жизнь.

— Мы должны идти, — сказала она. — Мы должны найти источник этого запаха.

Они пошли дальше. Гоминиды следовали за ними, неся на плечах тех, кто уже не мог идти. Их тела были слабыми, но они не сдавались. Они не могли позволить себе сдаться.

Блок Д: Симбиоз паразита и машины (08:40 – 08:50)

Земля под их ногами начала меняться. Вместо красной глины появились чёрные, маслянистые пятна, которые были похожи на раны на теле земли. Запах нефти становился всё сильнее, и Глеб чувствовал, как он проникает в его лёгкие, как он смешивается с его дыханием.

Он не знал, было ли это опасно. Он не знал, было ли это частью плана. Но он знал, что они должны идти дальше.

Кира остановилась у одного из чёрных пятен и присела на корточки. Её пальцы коснулись маслянистой поверхности, и она почувствовала, как она была тёплой, почти горячей. Она поднесла пальцы к носу и вдохнула запах. Он был густым, тяжёлым, как дыхание самой земли.

— Это нефть, — сказала она. — Сырая нефть. Она находится близко к поверхности.

— Мы можем использовать её? — спросил Глеб.

— Да, — сказала она. — Мы можем использовать её для топлива. Но сначала нам нужен способ её извлечь.

Она посмотрела на бойца Коррекции, который лежал на земле в нескольких метрах от них. Его тело всё ещё дышало, но его дыхание было слабым, почти незаметным. Он умирал. Его системы жизнеобеспечения отказывали, и его тело медленно отказывалось от жизни.

— Мы можем использовать его оборудование, — сказала она. — В его костюме есть инструменты, которые помогут нам извлечь нефть.

— Как мы это сделаем? — спросил Глеб.

— Мы снимем с него всё, что можно снять, — сказала она. — И используем это.

Она подошла к бойцу и присела рядом с ним. Её пальцы начали снимать с его пояса инструменты, которые всё ещё были работоспособны. Импульсный клинок, термогранаты, кислородный баллон. Она собрала их и положила перед собой.

— У нас есть оружие, — сказала она. — У нас есть топливо. У нас есть воздух. Мы можем выжить.

Гоминиды наблюдали за ней. Их глаза были широко открыты, и в них был страх. Они не понимали, что делают их боги. Но они чувствовали, что боги знают, что делают.

— Что мы будем делать с ним? — спросил Глеб, указывая на бойца.

— Он умрёт, — сказала Кира. — Мы не можем ему помочь. Но мы можем использовать его оборудование.

Она протянула руку к одному из инструментов, и её пальцы сжали его рукоять. Она знала, что это было жестоко. Она знала, что это было неправильно. Но она знала, что они должны выжить.

Они работали быстро. Глеб снимал с бойца оборудование, а Кира сортировала его и передавала гоминидам. Они не знали, для чего нужны все эти вещи, но они держали их так, как держат драгоценности.

— Мы должны найти укрытие, — сказал Глеб. — Мы не можем оставаться здесь.

— Я знаю, — сказала Кира. — Но сначала мы должны сделать одну вещь.

Она подошла к бойцу и посмотрела на него. Его грудь больше не поднималась. Он был мёртв. Его глаза были открыты, и в них не было жизни.

Она закрыла его глаза и встала на ноги.

— Мы должны идти, — сказала она. — Мы должны найти место, где мы сможем начать новую жизнь.

Они пошли дальше. Гоминиды следовали за ними, неся на плечах оборудование, которое они собрали. Их тела были слабыми, но они не сдавались. Они не могли позволить себе сдаться.

Блок Е: Клиффхэнгер (08:50 – 09:00)

Земля под их ногами внезапно вздрогнула. Глеб почувствовал, как его ноги подкашиваются, и он едва успел удержаться на ногах. Он поднял голову и посмотрел на горизонт. Скалы, которые они видели раньше, теперь казались ближе, но они не были тем, что его беспокоило. Беспокоило его то, что земля продолжала дрожать.

— Что это? — спросила Кира.

— Я не знаю, — сказал Глеб.

Они стояли и смотрели на горизонт. Земля дрожала с ритмичным интервалом, как будто что-то большое двигалось к ним. Глеб почувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. Он сжал рукоять ножа и приготовился к бою.

Из-за гряды красных скал появилась тень. Она была огромной, как автобус, и она закрывала солнце. Глеб поднял голову и увидел, что это было. Голова Диметродона. Огромный парусоящер, который был похож на ящера с парусом на спине. Его челюсти были раскрыты, и в них были зубы-иглы, которые были похожи на кинжалы.

— Он нас видит, — прошептал Глеб.

— Мы не можем убежать, — сказала Кира. — Он слишком быстрый.

— Тогда мы должны сражаться, — сказал Глеб.

Он сжал нож в руке и приготовился к атаке. Он знал, что это бесполезно. Он знал, что они умрут. Но он не мог позволить себе сдаться.

Боец Коррекции, который лежал на земле, внезапно зашевелился. Его глаза открылись, и в них был свет. Он посмотрел на Диметродона, и его голос, механический и искажённый, произнёс:

— Протокол «Омега». Самоуничтожение класса «Омега».

Глеб понял, что это значит. Боец собирался взорвать себя, чтобы убить Диметродона. Но он прихватит их всех с собой.

— Нет! — закричал он, бросаясь к бойцу.

Он врезался плечом в грудную клетку бойца, пытаясь оттолкнуть его руку от кнопки. Но боец был сильнее. Его механическая рука уже сжала детонатор.

— Отпусти! — крикнул Глеб. — Ты убьёшь всех!

Но боец не отпускал. Его глаза были пусты, его лицо было лишено эмоций. Он выполнял свою миссию.

Кира стояла на коленях, прижимая Максима к груди. Она смотрела на бойца, и её глаза, светящиеся фиолетовым, начали пульсировать быстрее. Она пыталась связаться с ним, использовать свои споры, чтобы остановить его.

— Остановись! — закричала она. — Мы не враги! Мы твои союзники!

Но боец не слышал её. Его система была повреждена. Он не мог видеть разницы между другом и врагом.

Глеб чувствовал, как его силы покидают его. Его рана кровоточила, его дыхание было прерывистым. Он не мог бороться. Он не мог остановить бойца.

И в этот момент произошло нечто неожиданное.

Диметродон, который стоял перед ними, издал звук — низкий, рёв, который сотряс землю. Его челюсти сомкнулись, и он посмотрел на бойца. Его глаза были голодными. Он видел в нём добычу.

Боец замер. Его рука сжала детонатор, но он не нажал на него. Он смотрел на Диметродона, и его система пыталась переоценить угрозу. Диметродон был больше. Диметродон был опаснее. Диметродон был приоритетной целью.

— Протокол изменён, — произнёс боец. — Приоритетная цель — угроза класса «Титан».

Глеб оттолкнул его руку от кнопки и отступил на шаг. Его дыхание было прерывистым, его сердце колотилось. Он смотрел на бойца, который теперь был сосредоточен на Диметродоне.

— Мы должны уйти, — сказал он. — Сейчас.

Кира кивнула и встала на ноги. Она держала Максима на руках, и её глаза были полны страха. Она не знала, что случится дальше. Но она знала, что если они останутся, они умрут.

Они побежали. Гоминиды следовали за ними, их ноги стучали по земле. Они бежали к скалам, которые были теперь близко, как никогда. Они бежали к месту, где могли укрыться. Они бежали к месту, где могли выжить.

Глеб обернулся и увидел, как боец поднимается на ноги. Его механическая рука сжала импульсный клинок, и он начал двигаться к Диметродону. Он был готов пожертвовать собой, чтобы защитить их.

— Иди! — закричал он. — Иди!

Кира побежала быстрее. Её ноги скользили по грязи, но она не останавливалась. Она не могла позволить себе остановиться.

Глеб следовал за ней. Его рана кровоточила, его дыхание было прерывистым. Но он не останавливался. Он не мог позволить себе остановиться.

Они бежали. Они бежали, пока не добрались до скал. Они вбежали в пещеру, и Глеб закрыл вход камнем.

Они были в безопасности. На мгновение.

Глеб тяжело дышал, его тело было покрыто потом и кровью. Он посмотрел на Киру, которая стояла на коленях и держала Максима на руках. Ребёнок спал. Ему было холодно, но он был жив.

— Мы выжили, — прошептал Глеб.

— Мы выжили, — повторила Кира.

Она подняла голову и посмотрела на вход в пещеру, который был закрыт камнем. Она не знала, что ждёт их за этим камнем. Она не знала, выживут ли они. Но она знала, что они должны попытаться. Она знала, что они должны продолжать бороться. Она знала, что они должны жить.

Фиолетовые вены на её шее начали пульсировать ярче. Её споры реагировали на тепло, исходящее из глубины пещеры. Она чувствовала, что это место было не случайным. Оно было выбрано. Оно было их новым домом.

Где-то за стеной пещеры раздался звук — низкий, рёв, который сотряс землю. Диметродон. Он всё ещё был там. Он ждал их.

Но они не боялись. Они не могли позволить себе бояться. Они должны были жить.

Финал главы:

Трое людей — покрытые грязью, кровью и машинным маслом — стояли в пещере, прижимаясь друг к другу. За ними была стена красной глины, которая казалась бесконечной.

Перед ними был мир, который не знал ни людей, ни машин, ни куполов Эдема. Это была Пангея. Суперконтинент, который был рождён из огня и пепла, и который стал их тюрьмой.

Но они не сдавались. Они не могли позволить себе сдаться.

В небе, где-то за тучами пермского солнца, мелькнула фиолетовая вспышка — слабая, почти незаметная. Кира посмотрела вверх и поняла: они не одни. Споры внутри неё, которые почти погасли, начали пульсировать снова. Не так ярко, как раньше. Но они реагировали на что-то в этом мире. На что-то, что было здесь задолго до них.

Она улыбнулась. Улыбка была слабой, почти незаметной. Но она была.

— Мы не одни, — прошептала она.

Глеб посмотрел на неё. Его глаза были полны вопросов, но он не задавал их. Он просто взял её за руку и сжал её.

— Мы всегда были не одни, — сказал он.

Они стояли в пещере, прижимаясь друг к другу, и ждали. Они ждали рассвета. Они ждали, когда мир покажет им, что он может предложить.

И мир показал.

Из глубины пещеры, из тьмы, которая казалась бесконечной, донёлся звук — низкий, гулкий, похожий на звук огромного двигателя, который только что запустился. Глеб и Кира обернулись и увидели, как из мрака появляются огни — фиолетовые, светящиеся огни, которые были похожи на свет, исходящий от спор Киры.

— Что это? — прошептал Глеб.

Кира не ответила. Она просто смотрела на огни и улыбалась. Она знала, что это было. Это было то, что она искала. Это был её новый мир.

— Мы идём туда, — сказала она. — Туда, где эти огни. Это наш новый дом.

Они пошли в глубину пещеры. Гоминиды следовали за ними, неся на плечах оборудование, которое они собрали. Их тела были слабыми, но они не сдавались. Они не могли позволить себе сдаться.

И они шли. Шли в неизвестность, в темноту, в то, что было их будущим.

Они шли к новому миру.

Конец главы 43.

Глава 44. Враждебный мир

Эпиграф: «Инструкция по выживанию в докембрии/раннем девоне, пункт 1: Если растение движется быстрее вас — вы уже обед».

Блок А: Анатомия утопления (08:25 – 08:30)

Мир перестал существовать. Вместо него была только вода — вязкая, горячая, пахнущая тухлыми яйцами и ржавым металлом. Она заполнила рот, нос, уши, проникла под веки, выжигая глазницы химической кислотой. Глеб не помнил момента падения. Был ультрамариновый провал, а затем — удар, выбивший из легких остатки разреженного воздуха Пангеи. Его тело, только что привыкшее к сухому пермскому зною, снова швырнули в первобытный океан.

Он лежал на спине, и давление сверху было невыносимым. Кира. Ее вес, увеличенный инерцией падения, вдавливал его в мягкое илистое дно. С каждым ее судорожным движением, с каждой попыткой вырваться на поверхность, она вгоняла его все глубже в илистую жижу, которая засасывала его с влажным, чавкающим звуком, словно голодная пасть. Глеб чувствовал, как его здоровое плечо касается чего-то скользкого и холодного, как его раненое бедро, пульсирующее тупой болью, утопает в чем-то мягком и податливом.

Воздух кончился. В легких, как гвозди, засели пузырьки девонского метана. Вода была теплой, ночной, парной, и от этого казалась еще более густой и липкой. Он слышал глухой, булькающий крик — или это булькала его собственная кровь в ушах, заглушая звуки утопления? Глаза ничего не видели, кроме мутной взвеси черного ила и искорок, которые выжигал в его сетчатке фиолетовый свет спор Киры. Этот свет был рядом, прямо над ним, пульсирующий сквозь толщу воды, как странное, больное сердце.

Его нейроимпланты, чудом пережившие прыжок и отключенные его же волей, вдруг ожили, но не для того, чтобы помочь. Они выдавали поток бессмысленных ошибок. Внутри черепа, прямо в мозг, вплеталась цифровая агония:

- «Датчик давления: ошибка. Среда не идентифицирована».
- «Концентрация H_2S : критическая. Рекомендуются немедленная эвакуация».
- «Связь с сетью: потеряна. Таймлайн: неопределен».
- «Параметр: "Воздух". Данные отсутствуют».

Глеб хотел закричать, приказать системе заткнуться, но его рот был полон соленой, отвратительной воды, похожей на жидкую грязь. Он чувствовал, как силы покидают его. Сознание начало раскалываться на части. Он видел перед глазами не мутную воду, а красную глину Пангеи, желтое небо и лицо умирающего бойца Коррекции. «Протокол "Омега"», — эхом звучал в ушах механический голос. Затем его сменил крик Максима. Сын был где-то рядом, между ним и Кирой. Глеб чувствовал его отчаянное, судорожное движение, его маленькое тельце, бьющееся в истерике под водой.

И в этот момент что-то щелкнуло внутри него. Не в сознании — в теле. Адреналин, который должен был давно иссякнуть, ударил новой волной, выжигая страх и отчаяние. Глеб перестал слышать свои импланты. Он перестал чувствовать удушье. В его мире осталась только одна цель: подняться. Любой ценой. Вытащить их на поверхность.

Он уперся здоровой ногой во что-то, что казалось твердым — возможно, это был камень, возможно, скопление многовекового ила. Напряг все мышцы, которые еще слушались. Он не

пытался выбраться сам — это было бесполезно. Он толкнул вверх, как делают в спасательной операции, когда нужно выбросить утопающего из воды, рискуя уйти на дно самому. Его рука, свободная от оружия, нащарила в мутной воде край одежды Киры. Ткань, тонкая и хрупкая, была единственной связью с жизнью. Он сжал ее так сильно, что пальцы онемели.

Он перехватил сверток — ребенка. Глеб не видел его, но узнал по весу, по той вибрации, с которой маленькое тельце отчаянно пыталось дышать. Его руки двигались сами. Мышечная память спасателя, курс по эвакуации младенцев из зон с токсичной атмосферой, который он проходил в СХБ десяток лет назад, включился как единственный рабочий алгоритм. Грубо, почти неловко, он оторвал Максима от Киры, прижимая к своей груди под водой, защищая его своим телом от ударов о дно.

Затем он заставил свое тело работать как рычаг. Он подогнул ноги, уперся в дно и, с рыком, который вырвался из его легких вместе с последним пузырьком воздуха, рванул вверх. Он не знал, куда. Он просто устремился к фиолетовому свету, который был для него сейчас единственным ориентиром.

Его голова пробила поверхность воды как разрывная пуля. Глоток воздуха — нет, не воздуха. Глоток ядовитого, влажного, обжигающего супа, который в этом мире называли атмосферой. Он захрипел, закашлялся, извергая из легких воду и ил. Но он дышал. Он дышал. Вокруг него, насколько хватало глаз, простиралась бесконечная водная гладь, покрытая ряской и гниющими водорослями, а над ней нависал чужой, враждебный мир.

Рядом, хватаясь за его плечо, вынырнула Кира. Она была бледна, но ее глаза, горевшие фиолетовым пламенем, были открыты. Она жадно, судорожно втягивала в себя отравленный воздух, и ее организм уже начинал перерабатывать его. Она была жива. Она повернулась к нему, и в ее взгляде мелькнула искра облегчения.

— Где Максим? — выдавила она, и ее голос прозвучал как хриплый шепот.

Глеб поднял правую руку. В ней, выше уровня воды, находился сверток. Максим — синюшный, мокрый, с запавшими глазами и едва заметным, прерывистым дыханием. Он не плакал. Он просто лежал, как будто его маленькое тело уже сдалось этому миру.

И тут Глеб почувствовал тяжесть на своей левой ноге. Что-то тянуло его вниз, снова в вязкую, смертельную темноту. Он обернулся и сквозь мутную пелену воды увидел темный, массивный силуэт, тонущий рядом с ним. Это был не враг — это был безопасник из отряда Коррекции. Его броня, оплавленная фиолетовым огнем спор, превратилась в смертельную ловушку. Вода проникла в шлем, и бедняга, очевидно, уже захлебнулся, но его сервоприводы продолжали конвульсивно дергаться, цепляясь за ногу Глеба.

Глеб инстинктивно дернулся, пытаясь освободиться, но броня была слишком тяжелой. Он снова начал погружаться. В отчаянии он нащарил на поясе безопасника магнитные фиксаторы — две тусклые кнопки, держащие наплечники и нагрудную пластину. Его пальцы, онемевшие от холода и усталости, нащупали нужную кнопку и нажали. С глухим металлическим стуком магнитные замки разжались. Дорогостоящий экзоскелет, превратившийся в гроб, отцепился от тела и с тяжелым всплеском ушел в черную глубину. Освободившись от груза, Глеб схватил безопасника под мышки и, из последних сил, рванул его на поверхность.

Тело было почти невесомым без брони, но бледным, как полотно. Микроперфорация шлема, крошечная трещина, которую Глеб не заметил в суматохе схватки, сделала свое дело. Легкие офицера Коррекции были заполнены ядовитой взвесью. Он был жив, но это была та жизнь, которая длится минуты, а может быть, даже секунды.

Глеб перевел дух. Четыре существа: он, Кира, ребенок и умирающий враг. Все они держались за огромный корень гигантского плауна, который, как кровавое ребро, выступал из мутной воды. Мир, в который они упали, был не просто чужим. Он был агрессивным. Он был живым. И он уже начал пожирать их.

Блок Б: Архитектура кошмара (08:30 – 08:45)

Глеб с трудом вытащил свое тело на корень. Поверхность была шершавой, покрытой жесткой, как наждак, корой и каким-то склизким, блестящим налетом — вероятно, выделениями самого растения. Он помог Кире выбраться, затем, дрожащими руками, уложил на широкий, плоский участок корня тело Максима. Они были в безопасности, если, конечно, в этом мире существовало само понятие безопасности.

Глеб поднял голову и впервые по-настоящему осознал масштаб того, во что они угодили. Это был не лес, который он знал. Это была архитектура кошмара. Над ними, теряясь в багровом тумане, смыкались кроны деревьев-монстров. Они не были похожи ни на что, что он видел в голографических реконструкциях, даже в самых смелых художественных интерпретациях. Это были не деревья. Это были пульсирующие колонны, шириной в целый дом, уходящие вверх на немыслимую высоту. Их стволы, покрытые грубой, чешуйчатой корой, источали зеленоватый, фосфоресцирующий свет, который делал этот мир еще более сюрреалистичным. Это была биология, ставшая архитектурой.

Папоротники здесь тоже были другими. Они не были просто листьями. Это были гигантские, рельефные веера, сложенные из сегментов жесткого, как кость, хитина. Они медленно, с низким скрежетом трущегося хитина, поворачивались вслед за тусклым солнцем, которое лишь изредка пробивалось сквозь многоярусный полог леса. Этот звук — скрежет миллиардов зеленых, живых костей — был здесь фоновым шумом, монотонной, раздражающей музыкой этого мира. Свет был неестественным. Он был не желтым и не белым, а густо-красным, кровавым, как будто само небо истекало кровью, окрашивая все вокруг в один и тот же болезненный тон.

— Это не просто лес, — прошептала Кира, прижимая к себе Максима. Ее голос дрожал. — Это экосистема. Но она... она не подчиняется тем законам, которые мы знаем. Я чувствую это. Споры внутри меня... они пульсируют иначе. Здесь все дышит. Все... охотится.

Глеб посмотрел на то, что лежало у его ног — или, скорее, у корня, на котором они сидели. Это была тушка небольшого существа, размером с собаку, покрытая чем-то, что напоминало панцирь. Она была мертва, но ее тело еще не начало разлагаться. И в этот момент он увидел это.

Толстый, черный, отвратительно подвижный усик, покрытый крошечными, волосовидными отростками, медленно выполз из-под коры гигантского плауна. Он был похож на щупальце, на живой, мускулистый корень, который решил, что он — животное. Усик ощупывал воздух, затем, с удивительной точностью, скользнул к тушке амфибии. Он обвил ее, и Глеб

услышал звук — влажный, хлюпающий, как будто что-то всасывали через соломинку. Тело существа начало сморщиваться, превращаясь в сухой, сморщенный комок. Растение пило. Оно поглощало плоть.

— Твою мать, — выдохнул Глеб. — Оно хищник.

— Все они хищники, — ответила Кира, глядя на пульсирующую колонну с ужасом и научным любопытством в глазах. — Растения здесь не ждут, пока их съедят. Они едят сами. Пищевая цепь замкнута на себя. Солнечная энергия — слишком слабый источник. Здесь нужна более концентрированная подпитка. Белковая.

Воздух был густым, как суп. Глеб чувствовал, как он оседает на коже липкой пленкой. Температура под куполом этого первобытного леса была около сорока пяти градусов по Цельсию, но при стопроцентной влажности каждый вдох казался глотком жидкого огня. Он обжигал легкие смесью аммиака и гниющих водорослей. Глаза слезились от испарений. Каждое движение давалось с трудом, как будто он плыл не в воздухе, а в киселе.

Он перевел взгляд на корень, на котором они сидели. Он был огромен, толщиной с его бедро. И он тоже был живым. Под его корой, где-то в глубине, Глеб видел слабую пульсацию, движение соков, похожее на биение сердца. Это было чужое, древнее сердце, бьющееся в такт с шагами этого мира. Корни, как черви, шевелились в воде, ощупывая пространство, ища жертву или добычу. Этот мир не просто ждал их смерти. Он активно стремился к ней.

Он смотрел на обломки того, что когда-то было их снаряжением. Свинцовый ларец Киры, искрящийся и плавящийся, лежал на корне. Его механизмы, созданные для другой физики, для другого времени, отказывали. Электроника в этом мире была бесполезна — или, вернее, она была смертельно опасна. Стоило ей включиться, как она привлекала внимание хищников, вспышками энергии и радиоволнами, на которые реагировали эти древние, злые создания.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказал Глеб, стараясь, чтобы его голос звучал тверже, чем он себя чувствовал. — Нам нужно найти убежище. Место, где эти... растения... не смогут нас достать.

— Куда? — спросила Кира, и в ее голосе была безнадежность. — Мы не знаем, где мы. Мы даже не знаем, есть ли здесь твердая земля. Все вокруг — это болото и эти монстры.

Она была права. Вокруг них, насколько хватало глаз, простиралась бесконечная водная гладь, покрытая ряской и гниющими водорослями, из которой, словно пальцы утопленников, торчали эти гигантские колонны. Красный свет, просачивающийся сквозь листву, делал все вокруг похожим на декорации к апокалипсису. Это место было необитаемым. Оно было враждебным. Оно было смертью.

И в этот момент Максим издал звук. Это был не крик. Это был болезненный, сиплый кашель — звук, который не должен был издавать младенец. Его маленькое тельце выгнулось дугой, а кожа стала еще более синей.

— Он не дышит, — выдохнула Кира. — Его легкие... они не могут переработать этот воздух. Споры пытаются компенсировать, но их слишком мало. Он умирает.

Блок В: Биологическая война легких (08:45 – 09:15)

Слова Киры упали на Глеба, как удар кувалды. Он смотрел на своего сына — на это крошечное, бесформенное тельце в ее руках — и чувствовал, как мир рушится вокруг него. Они прошли Синдикат, прошли Эдем, прошли хронокоридор. Они выжили в Пангее. И теперь этот чертов первобытный воздух убивал его ребенка. Это было нелепо. Это было жестоко. Это был самый большой удар, который только мог нанести этот мир.

— Сделай что-нибудь! — закричал он. — Ты же генетик! Ты изменила себя, изменила меня! Сделай что-нибудь для него!

Кира не обратила внимания на его крик. Она, как и он, находилась на грани, но она не позволяла себе сломаться. Она видела проблему — и решала ее. Ее пальцы, все еще покрытые фиолетовой плесенью, нащупали пульс на шее ребенка. Он был слабым, почти неощутимым. Она прижала его к своему телу, к тому месту, где споры светились ярче всего, пытаясь передать ему хоть немного кислорода, синтезированного ее собственной кожей. Но это было каплей в море. Ее ресурсы были на исходе.

Она резко повернулась к Глебу. Ее глаза, светящиеся фиолетовым, пылали лихорадочным огнем. Она выглядела чудовищно. Биолюминесцентные вены на шее и лице горели ярким алым цветом — это был признак перегрева, опасного для самой Киры. Ее кожа была покрыта фиолетовыми пятнами плесени, которая активно работала, фильтруя ядовитый воздух, превращая углекислый газ в кислород. Но этот процесс был невероятно энергозатратным, и он пожирал ее изнутри. Она была похожа на аварийный генератор, работающий на пределе, который вот-вот перегорит.

— Мне нужен источник! — выкрикнула она. — Чистый кислород! Там, в твоём... в том, что было нашим снаряжением... что-нибудь осталось? Я видела, как ты вытащил того безопасника. У него были баллоны?

Глеб обернулся к телу, которое лежало на корне рядом с ними. Безопасник — молодой парень, не старше двадцати пяти, с бледным, мокрым лицом и ввалившимися глазами, — лежал почти неподвижно. Из-под треснувшего забрала его шлема, все еще соединенного с системой жизнеобеспечения, сочилась желтая пена. Его грудь вздымалась с трудом, с хрипом, который предвещал скорый конец. Его импланты, теперь уже без брони, выдавали предсмертный синий код системного отказа на крошечном голографическом дисплее на запястье.

Глеб не раздумывал. Он подскочил к телу, схватил его за плечи и начал лихорадочно ощупывать пояс, грудь, руки. Он искал аварийный комплект, маску, что угодно. Его пальцы наткнулись на что-то твердое и цилиндрическое, пристегнутое сбоку. Он выдернул это — это был не баллон. Это был какой-то прибор, искрящийся и, судя по всему, мертвый. Он отшвырнул его в воду.

— Нет ничего! — закричал Глеб. — Ничего, кроме этого бесполезного хлама!

Безопасник приоткрыл глаза. Его взгляд был мутным, но в нем промелькнула искра осознания. Он смотрел на Глеба, на его отчаяние, на синего младенца в руках женщины, и в его взгляде не было враждебности. Было только понимание общей участи.

Кира поднесла Максима к своему лицу. Ее споры, те самые, что давали ей силу, начали пульсировать с новой, отчаянной силой. Она открыла рот. Она знала, что делает — интуитивно, на уровне биологического кода. Она вдохнула ядовитый воздух девонского леса и выдохнула тонкую струю газовой смеси, обогащенной кислородом, прямо в рот ребенка. Это был искусственный, примитивный, но единственный доступный ей способ дыхания. Максим дернулся, и Глеб увидел, как его грудь приподнялась. Он сделал вдох.

— Это не решение, — прохрипела Кира. — Я не могу дышать за него вечно. Через час я выдохнусь и умру. А он задохнется вместе со мной. Нужен был фильтр.

Она снова потянулась к ларцу. Разбитый, искрящийся, он лежал в грязи. Кира попыталась синтезировать из местной слизи какую-то насадку, которая могла бы перерабатывать этот воздух. Она смешивала субстанции, пыталась заставить прибор работать. В ответ ларец зашипел, из него пошел дым, и одна из плат с глухим хлопком лопнула. Электроника этого времени была бесполезна. Законы физики, а значит, и химии, работали здесь иначе. Тот же принцип, который делал ненужной их сложную технологию, мешал им выжить.

— Мы не можем использовать технологии, — выдавила она, отбрасывая в сторону бесполезный ларец. — Нам нужно найти способ адаптироваться. Стать частью этого мира.

— Ты хочешь, чтобы мы стали такими же, как эти растения? — спросил Глеб, указывая на пульсирующую колонну.

— Я хочу, чтобы мы выжили, — ответила она. — И если для этого нужно переработать наши легкие, значит, мы это сделаем.

Она снова припала губами к лицу Максима, выдыхая в него жизнь. Каждый такой вдох стоил ей невероятных усилий. Она бледнела, ее руки дрожали, а фиолетовый свет на ее коже начинал меркнуть.

В этот момент безопасник, который, казалось, уже ушел в мир иной, неожиданно дернулся. Его рука, худая и дрожащая, в латексной перчатке, сжала запястье Глеба с неожиданной силой. Он приподнялся на локте, и его глаза, мутные и стеклянные, смотрели на Глеба с абсолютной ясностью — ясностью человека, который видит свой конец.

Блок Г: Символическая передача (09:15 – 09:25)

Глеб вздрогнул от неожиданного прикосновения. Он ожидал угрозы, ожидал, что умирающий враг попытается выполнить свой долг даже в агонии. Но в глазах безопасника не было злобы. Была только странная, почти умоляющая мольба. Он открыл рот, и из него вырвался не приказ, а хриплый, ломающийся шепот, который перекрыл даже звук дыхания Киры.

— Каин... — прохрипел он, и его голос был похож на скрежет ржавого металла. — Пусть будет Каин... Не слушай их...

Глеб замер. Он не понял ни слова. Каин? Что это значит? Это был код? Имя? Или просто бред умирающего мозга? Но что-то в этом слове было странно знакомым, как будто он слышал его раньше, в каком-то другом контексте.

— Что ты говоришь? — переспросил Глеб, наклоняясь к нему. — Что за Каин?

Но безопасник уже не слушал его. Его свободная рука, дрожащая и неуверенная, потянулась к поясу. Его пальцы нашарили что-то, зажатое в держателе, и с силой, которая была последним всплеском его жизненной энергии, он сорвал это с ремня. Это был небольшой, тяжелый титановый цилиндр — размером с гранату, но более вытянутый. На его корпусе, покрытом царапинами и грязью, мигала единственная красная линза. Глеб узнал его. Это был стандартный аварийный буй СХБ. Не просто радиомаяк. Это было оружие последнего шанса. Активация этого устройства означала не просто вызов подкрепления. Это означало призыв к эвакуации или, в крайнем случае, к уничтожению всего сектора, если ситуация выходила из-под контроля. Это был смертный приговор для всех, кто находился в радиусе действия.

— Ты с ума сошел! — закричал Глеб, инстинктивно ударив по руке безопасника. — Это привлечет Наблюдателей! Они уничтожат нас!

Удар был сильным. Рука безопасника дернулась, но он не выпустил буй. Наоборот, его хватка стала еще крепче, почти стальной. Он с трудом, но с невероятным упорством, оттолкнул руку Глеба. В его взгляде не было злобы. Было только отчаяние и решимость. Он смотрел на Глеба, и в этом взгляде читалось: «Я знаю, что умру. Я хочу, чтобы у тебя был шанс».

Он знал, что умрет здесь, в этой грязи. Микроперфорация шлема сделала свое дело. Его легкие были заполнены ядовитой смесью. Он захлебывался собственными соками. С каждой минутой агония становилась все сильнее. Маяк был для него единственным способом закончить это быстро. Или, по крайней мере, сделать так, чтобы его смерть не была напрасной. Если они сбегут, их найдут позже. Или, если они не сбегут, устройство уничтожит этот сектор вместе с ним — и вместе с заразой, которую несла в себе Кира.

— Это единственный... способ... — прохрипел он. — Они... найдут... вас... Если вы выживете... если он выживет... — его глаза на секунду остановились на Максиме, — ...он должен иметь шанс...

— Нет! — заорал Глеб, пытаясь вырвать у него буй. — Мы не дадим тебе это сделать! Мы не позволим тебе уничтожить нас!

— Он не враг, — раздался за его спиной голос Киры. — Он прав. Это его единственный шанс.

Глеб обернулся. Кира смотрела на него. Ее глаза, горящие фиолетовым, были серьезны. Она понимала это не умом, а всем своим существом. Она видела агонию безопасника, его неизбежную смерть. Она видела, что его поступок был не враждебным, а милосердным. Он давал им возможность уйти — если они успеют. А если нет, то он давал им возможность умереть быстро, не чувствуя, как корни плауна впиваются в их плоть, переваривая заживо.

— Он делает то, что считает правильным, — сказала она, и в ее голосе была странная, уставшая мудрость. — Так же, как и ты. Пусть он уйдет так, как хочет.

Глеб смотрел в глаза безопасника. В них не было страха. Было только облегчение от того, что его поняли. Он перевел взгляд с лица Глеба на лицо Киры, а затем на личико Максима.

Его губы дернулись в подобии улыбки. Это была улыбка человека, который наконец-то может остановиться.

— Пусть будет Каин, — прошептал он в последний раз и поднес стержень активации буя к зубам.

Блок Д: Активация смерти (09:25 – 09:30)

Глеб не стал мешать ему. Он не мог. Он только отшатнулся, прикрывая Киру и ребенка своим телом. Безопасник сжал зубы. Раздался тихий, металлический щелчок — стержень сломался. Внутри цилиндра, с мерзким, влажным звуком, разбились ампулы с катализатором. Физический мир вокруг буя начал искажаться.

Глеб не видел процесса. Он не успел бы. Он только почувствовал, как воздух вокруг него становится невыносимо холодным, а затем невыносимо горячим. Это была не детонация, не огненный шар. Это была реакция, которую СХБ называла «холодным термоядерным синтезом», хотя к холодному она не имела никакого отношения. Она просто потребляла всю окружающую энергию — тепло, влагу, свет, чтобы запустить себя.

Тело безопасника начало светиться изнутри. Сначала тускло, затем все ярче, пока его фигура не превратилась в белый, ослепительный силуэт. Его одежда, его кожа, его кости — все стало прозрачным для этого света. Он больше не был человеком. Он был аннигилятором.

Раздался звук. Это был не взрыв. Это был звук лопающейся струны вселенной — высокий, пронзительный, заполнивший собой все пространство. Это было схлопывание. Пространство вокруг буя начало сворачиваться, схлопываться в точку абсолютного порядка, в которой не оставалось места для хаоса этого мира. Это была аномалия, созданная СХБ, чтобы аннигилировать любую нежелательную энтропию. И она начала уничтожать все вокруг.

Безопасник, уже будучи частью этого процесса, из последних сил толкнул буй — не от себя, а от них. Своей светящейся рукой он катнул цилиндр по корню, подальше от семьи, в сторону гигантского ствола плауна. Белый свет охватил его фигуру полностью. На мгновение Глеб увидел его очертания — улыбающееся лицо, смотрящее вверх, в кровавые сумерки. Затем от безопасника не осталось ничего. Ни костей, ни плоти, ни брони. Только чистый, белый свет, который начал поглощать ближайшие корни, испаряя воду, сжигая плоть.

Ударная волна была не физической. Она была временной. Она ударила по восприятию Глеба, по его внутреннему чувству времени, вывернув его наизнанку. Он почувствовал, как его тело отбрасывает в грязевую жижу. Он упал спиной в теплую воду, на мгновение погрузившись с головой. Он не дышал — он просто ждал, пока это закончится.

Когда он снова вынырнул, белого света уже не было. Осталась только багровая мгла девонского леса. На месте, где лежал безопасник, зияла черная, оплавленная воронка. Корни, вода, ил — все было уничтожено. Но оглушительный гул, который он слышал, нарастал.

Он поднял голову. Вокруг него было тихо. Подозрительно тихо. Скрежет папоротников стих. Пульсация колонн замедлилась. Все живое в этом лесу замерло, реагируя на колоссальный выброс энергии, на этот чужеродный всплеск порядка в своем хаотичном мире.

И это было сигналом к охоте.

Блок Е: Клиффхэнгер (09:30 – 09:35)

Глеб лежал в грязи, пытаясь перевести дух. Он был жив. Кира рядом с ним, прижимающая к себе Максима, тоже была жива. Они выжили. Они пережили взрыв. Но чувство опасности не ушло. Оно только усилилось, став почти осязаемым.

И тут он услышал звук. Это был не треск папоротников и не пульсация колонн. Это был звук, от которого кровь стыла в жилах: ритмичный, тяжелый топот десятков тяжелых лап. Звук, который приближался. Звук, который эхом отдавался от стен этого кроваво-красного леса.

Но Глеб не мог смотреть в ту сторону, откуда доносился звук. Он смотрел вверх. Прямо над ними, словно капюшон гигантской кобры, начал складываться огромный, листовидный веер ближайшего папоротника. Он двигался медленно, почти грациозно, но в этом движении чувствовалась неумолимая сила. Растение, которое еще минуту назад было просто частью пейзажа, превращалось в хищника.

— Кира... — прошептал Глеб.

Она тоже видела это. Ее глаза были широко открыты, в них застыл ужас. Она прижала Максима еще крепче. Это был конец. Они не могли убежать. У них не было сил. У них не было оружия.

Гигантский лист, как живое существо, рухнул на них. Глеб не успел даже закричать. Он только закрыл собой жену и сына, в последний раз пытаясь защитить их от этого кошмара. Свет погас. Наступила полная, абсолютная темнота. Глеб чувствовал, как его тело касается гладкой, влажной поверхности листа. Она была теплой, как кожа. Внутри этой живой палатки, которая накрыла их, начал разливаться запах — сладковатый, тяжелый запах пищеварительного фермента. Растение начало переваривать упавших.

Глеб, лежа в темноте, на теле жены, одной рукой обнимал сына, другой судорожно втыкал армейский нож в пульсирующую плоть над головой. Лезвие вошло в мягкую ткань, но вместо того чтобы разрезать ее, оно лишь согнулось, как согнулась бы сталь о сталь. Растение было неуязвимо. Оно сжало их в своих объятиях и начало тащить по земле, глубже в чашу, прочь от места аномалии, в самое сердце своего темного леса.

— Кира! — закричал Глеб в темноте, чувствуя, как липкие капли фермента начинают стекать ему на лицо. — Кира, сделай что-нибудь!

Он слышал ее хриплое дыхание. Она пыталась сопротивляться, но ее силы были на исходе. Вдруг фиолетовый свет — последний, слабый проблеск — вспыхнул в темноте. Кира, отчаянным движением, выбросила руки вперед, и из ее ладоней ударил сноп фиолетовых спор. Плесень, та самая, что была внутри нее и внутри Максима, выстрелила в плоть растения.

Дерево содрогнулось. Глеб почувствовал это. Его мышцы, его внутренние органы, все его существо вздрогнуло от боли, которую испытывало растение. Лист, сжимавший их, на мгновение расслабился. Движение стало хаотичным. Растение, охваченное болью, начало волочить их всех — живых и мертвых — еще глубже в чашу, подальше от места аномалии.

Глеб вцепился в Киру, боясь, что она отключится. Он слышал ее крик — не от боли, а от напряжения. Она тратила свои последние силы на эту атаку. Ее споры, и без того истощенные, впрыскивали в растение яд, который должен был парализовать его.

— Держись! — закричал он. — Кира, держись!

Топот тяжелых лап снаружи стал еще громче. Что-то огромное шло по их следу. Привлеченное криком раненого бога-папоротника и аномальным выбросом энергии. Глеб чувствовал, как сотрясается земля от его шагов. Он слышал его низкий, утробный рев, который пробивался даже сквозь толщу плоти, в которой они были зажаты. Это был звук голодного монстра, который приближался.

Лист-ловушка вздрогнул в последний раз и затих. Больше не было движения, не было скрежета, не было пульсации. Только темнота, отвратительный запах фермента и звук тяжелого дыхания семьи.

Глеб лежал неподвижно, чувствуя, как кровь стучит в висках. Он не знал, что будет дальше. Он не знал, где они. Он не знал, выживут ли они. Но он знал, что пока они еще дышат, они будут бороться.

Он сжал в руке погнутый нож. Звук снаружи стал отчетливее. Топот приближался. К нему присоединилось шипение и рык. Что-то, огромное и злое, остановилось прямо перед их укрытием. Глеб слышал, как оно принимает, как его горячее дыхание, смешанное с запахом разложения, касается листа-ловушки.

Вход в пещеру, которая стала их тюрьмой, был перекрыт. Но враг был снаружи. И он ждал.

Глеб поднес нож к лицу. Он был погнут, почти бесполезен. Но он все еще мог быть оружием. Он прижал к себе Киру и Максима. Он чувствовал, как их сердца бьются в унисон — в такт с его собственным, наполненным страхом и надеждой сердцем.

Снаружи было тихо. Слишком тихо. Монстр ждал.

Где-то внутри темноты, словно эхо их общей боли, раздался звук. Тихий, мокрый звук, похожий на падение капли воды в глубокий колодец. Затем еще один. И еще. В темноте, в сердце леса, начал светиться слабый фиолетовый свет. Не свет спор Киры. Другой свет. Он был похож на свет, который они видели в небе над Пангеей. Это был сигнал. Ответ.

Кира, почти потерявшая сознание, подняла голову и посмотрела в темноту. Ее глаза, ослабевшие, но все еще светящиеся, остановились на этом фиолетовом пятне. Она улыбнулась. Улыбка была слабой, почти незаметной. Но она была.

— Они здесь, — прошептала она, и в ее голосе слышалась почти детская радость. — Они пришли за нами.

Глеб ничего не видел в темноте. Он слышал только приближающийся топот монстра и слабый, фиолетовый свет, который, казалось, звал их вперед. Он не знал, что это было. Но он знал, что это был их единственный шанс.

Он встал на колени. Его тело болело, кровоточило, но он заставил себя подняться. Он подхватил Киру и Максима и, спотыкаясь, двинулся к фиолетовому свету, прочь от входа, прочь от монстра, в самую глубь этого древнего, враждебного леса. Он шел, не зная, что найдет там, но веря, что этот свет — единственная нить, ведущая к спасению.

За ними, перекрывая вход, ворочался монстр. Он рычал и царапал землю. Но он не проникал внутрь. Почему-то, он боялся фиолетового света. Эта мысль дала Глебу силы двигаться дальше. Он шел, спотыкаясь, к спасительному огню, в недра тьмы, которая, возможно, была их последним пристанищем.

Конец главы 44.

Глава 45. Потеря связи с Базой

****Эпиграф:**** *«Инструкция по выживанию в изолированном таймлайне, пункт 1: Вычеркните себя из платежной ведомости».*

Воздух пах озоном и дохлой рыбой.

Этот запах въедался в слизистые оболочки быстрее, чем нейроимплант успевал подать сигнал тревоги об отравлении атмосферы. Глеб открыл глаза не потому, что выпался — сон покинул его еще на подлете к палеогену, оставив вместо себя липкую дремоту, сотканную из перегрузок и предчувствия удара. Он открыл их, потому что тишина стала материальной. Она давила на барабанные перепонки плотнее, чем вода на глубине ста метров.

Он лежал на спине, глядя на сводчатый потолок карстового грота. Камень над ним был черным, глянцевым от постоянной сырости, и сквозь него сочилась густая, фосфоресцирующая капля. Она сорвалась вниз, упала Глебу на щеку и обожгла холодом, как жидкий азот. Инспектор Службы Хронологической Безопасности (СХБ) рефлекторно дернул головой. Левое плечо отозвалось тупым скрежетом — суставная сумка была повреждена при падении через нестабильный портал.

Рядом тяжело дышала Кира. Ее дыхание было единственным ритмичным звуком в этом мире. Максим спал у нее за пазухой, свернувшись в идеальный, теплый комок. Ребенок даже во сне излучал тепло, которое пробивалось сквозь три слоя термозащиты. Это тепло было единственной константой.

Глеб сел. Дно грота, на котором они оказались, представляло собой крошечный каменистый остров посреди подземного озера. Вода вокруг была абсолютно неподвижной, тяжелой и маслянистой. В ней отражались сталактиты, похожие на гнилые зубы исполинского зверя. Свод пещеры терялся во мраке, но местами он светился тем самым болезненным фиолетовым светом, который исходил от капель. Свет жил своей жизнью, пульсируя медленно и глубоко, словно само сердце этой эпохи билось где-то там, в толще базальта.

Блок А: Анатомия тишины (08:30 – 08:45)

Первым делом нужно было восстановить связь. Это въелось в подкорку глубже, чем инстинкт самосохранения. Без связи ты — мусор. Статистическая погрешность. Технический сбой, подлежащий форматированию.

Глеб отстегнул с воротника тактической куртки коммуникатор. Устройство класса «Омега», способное прошивать кротовины и держать канал с Центром управления XXI века сквозь любые темпоральные шторма. Корпус из титанового сплава был смят гармошкой. Микродисплей покрылся сетью трещин, похожих на паутину. Глеб нажал кнопку питания. Экран вспыхнул мертвенно-белым на долю секунды и погас навсегда. Батарея вытекла густой черной массой прямо на пальцы, впитываясь в швы перчатки.

— Мертв, — констатировал Глеб вслух просто для того, чтобы услышать собственный голос. Голос прозвучал глухо, как из-под подушки.

Он отстегнул с запястья аварийный маячок. Плоский диск размером с монету. Последняя надежда любого хронодесантника. Если активировать его вручную, импульс уйдет прямиком-векторно в Центр XXII века, игнорируя помехи времени. Маячки проектировали параноики из инженерного отдела: корпус выдерживал падение в ядро газового гиганта.

Глеб утопил красную кнопку большим пальцем.

Внутри устройства тихо пискнул кварцевый резонатор. Индикатор мигнул один раз ядовито-зеленым. Затем прибор втянул этот свет обратно. Раздался второй, уже едва слышимый писк — звук умирающего конденсатора. Зеленый глазок моргнул в последний раз и погас. Маячок не выдал ошибку системы. Не сообщил о критическом повреждении ядра. Он просто выпил остатки энергии из резервных ячеек своего тела и умер. Окончательно. Словно сама ткань этого времени высосала из него душу.

Глеб разжал пальцы. Черный пластиковый блин беззвучно канул в соленую воду у края острова. Всплеска не последовало — плотность жидкости здесь была аномальной. Маячок просто лег на дно, став частью местного ландшафта.

Кира подошла к воде. Она двигалась плавно, хищно, ступая только на сухие участки камня. На ее ботинках шипела фиолетовая пыльца. Она опустила руку в озеро, погрузив пальцы по вторую фалангу. Вода вокруг ее кожи мгновенно вскипела локальным облачком пара, а затем начала светиться ярче, переходя из фиолетового в слепящий ультрамарин.

— Здесь нет спутников, — сказала она, не оборачиваясь. Ее голос звучал отстраненно, академично. Так читают лекцию студентам-первокурсникам. — Нет ретрансляторов на геостационарной орбите. Для Базы мы упали в зону нулевого сигнала ровно двадцать два дня назад. По их внутренним часам. Мы — статистическая погрешность, Юра. Нас стерли из всех баз данных сразу после потери первого пакета синхронизации. Наших квартир больше не существует. Наши пайковые карты аннулированы. Даже наши могилы отмечены грифом «Ошибка вычислений».

Она вытащила руку. С пальцев стекало жидкое свечение. Капля упала в общую массу воды, и по поверхности пошла концентрическая волна ультрафиолета, затухающая очень медленно.

Глеб молчал. Он смотрел на свои руки. На них все еще были надеты тактические перчатки со встроенными микрошупами для работы с хроноаномалиями. Перчатки офицера СХБ. Символ статуса. Оружие контроля.

На шее, на простом титановом шнурке, висел идентификационный жетон. Тонкий металлический прямоугольник. Единственная вещь, которая юридически делала инспектора Вересова существующим человеком. На нем был выбит личный номер, группа крови и штрих-код для кремационной печи Центра.

Глеб просунул пальцы под шнурок. Металл был теплым от кожи. Он стащил его через голову. Подошел к самой кромке пузырящейся воды. Посмотрел на Кию. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее глазах не было ни жалости, ни осуждения. Только бесконечная, выжженная пустыня понимания.

Он размахнулся и бросил жетон.

Металл вошел в воду беззвучно. Но реакция последовала мгновенно. Вода вокруг места падения вскипела кислотным зеленым дымом. Титан зашипел, как раскаленное железо в масле. За одну секунду жетон пошел радужными пятнами побежалости, сжался в комок, покраснел добела и растворился без остатка. словно его никогда не существовало. словно инспектор Вересов родился мертвым.

Глеб посмотрел на свою шею. Там остался лишь красный след от шнурка.

Тишина снова навалилась сверху, заполняя образовавшуюся пустоту.

Блок Б: Буй создает помехи (08:45 – 09:15)

Они были не одни на этом острове. Их трофей покачивался на мелководе в десяти метрах от берега. Автономный буй-шпион Синдиката. Черная матовая сфера диаметром около метра, оплетенная кабелями. Во время прорыва через портал-ловушку они вырвали его вместе с куском переборки вражеского корабля. Тогда это казалось отличной идеей — принести аналитикам Центра работающий образец технологий противника. Теперь это был просто кусок бесполезного, тяжелого хлама.

Корпус буя зарос местной фауной — белыми известковыми ракушками, которые формировали на нем причудливые готические узоры. Антенна дальней связи была сломана у основания, напоминая вырванный зуб.

— Я вытолкну его на глубину, — сказал Глеб, поднимаясь с колен. — Если Наблюдатели пойдут по нашему тепловому следу, пусть наткнутся на эту железку. Пусть думают, что мы погибли при ударе.

— Они не идиоты, — возразила Кира. Она уже стояла на коленях у воды, изучая донные отложения. — Они просканируют буй, поймут, что он разряжен, и продолжат искать биение двух сердец. И одного маленького.

Максим заворочался во сне, недовольно засопел носом. Кира положила ладонь ему на затылок, успокаивая невидимыми волнами тепла.

Глеб шагнул в воду.

Идти было тяжело. Жидкость сопротивлялась движению, как густой кисель или расплавленное стекло. Каждый шаг отдавался в раненом плече вспышкой боли. Когда вода дошла до груди, Глеб нырнул. Фиолетовое свечение сомкнулось над его головой, погружая мир в подводные сумерки.

Он ухватился за ледяной бок сферы. Попытался приподнять ее. Тяжелая. Архимедова сила здесь работала против него — слишком высокая плотность. Глеб уперся ногами в скользкое дно, напряг спину. Сустав хрустнул, но буй сдвинулся на полметра.

Пока он боролся с инерцией металла, Кира продолжала изучать воду. Она зачерпнула горсть ила, растерла между пальцами, понюхала. Затем коснулась воды тыльной стороной ладони, но не погрузила ее, а держала в миллиметре от поверхности.

— Выключи внутренний сканер, — вдруг резко бросила она. — Прямо сейчас.

Глеб замер. Его нейроимплант действительно работал в пассивном режиме, прощупывая радиочастотный спектр. Привычка, рефлекс службы.

— Что?

— Плотность диэлектрика зашкаливает, — быстро заговорила Кира, роясь в подсумке. — Из-за близости спор темпоральной плесени и общего сдвига слоев... Соленая вода приобрела свойства идеального изолятора. Но стоит нам включить любой активный передатчик хотя бы на десять процентов мощности... Электромагнитное поле вступит в резонанс с местными бактериями. Мы сварим заживо всю фауну в радиусе километра. Включая самих себя изнутри. Кровь закипит в капиллярах.

Глеб отпустил буй. Тот качнулся и медленно поплыл обратно к берегу, увлекаемый странным придонным течением. Инспектор побрел назад, чувствуя, как мокрая одежда тяжелеет с каждым шагом. Он выполз на камни, тяжело дыша.

— То есть прятаться нельзя? — прохрипел он.

— Прятаться можно только в полной тишине, — кивнула Кира. — Любая искра убьет нас быстрее, чем Коррекция.

Глеб перевел взгляд на черный шар буя. Идея использовать его как приманку трансформировалась. Если его нельзя спрятать, его нужно заставить кричать так громко, чтобы оглушить наблюдателей.

— Дай мне твой мультитул, — попросил он.

Кира молча протянула инструмент. Глеб подошел к сфере. Ракушки отслаивались под лезвием с сухим треском, обнажая стыки бронеплит. Он нашел технологический люк технического обслуживания. Замок был сплавлен при попадании плазмы, но титановое лезвие вошло в щель как в масло. Глеб поддел крышку. Та отошла с визгом рвущегося металла.

Внутри пахло озоном и жженой проводкой. Внутренности буя представляли собой мешанину из золотых нитей, кристаллов непонятной природы и чего-то органического, пульсирующего тусклым красным светом. Сердце машины.

Глеб знал эти схемы. Первый контакт человечества с технологиями внеземного происхождения произошел задолго до официального Открытия Порталов, в закрытых лабораториях КГБ восьмидесятых годов. Принцип везде одинаков: энергия течет туда, куда ей указывают контакты.

— Отойди, — бросил он Кире.

Он достал из набедренной кобуры табельный игольник. Проверять заряд смысла не было — батареи личного оружия тоже должны были сдохнуть в этом кармане вечности. Но массивная рукоять служила отличным рычагом и проводником.

Глеб нашел клеммы основного генератора. Два толстых медных штыря, торчащих из черного пористого материала. Он перехватил игольник двумя руками, примерился и со всей силы опустил ствол на оба контакта одновременно.

Мир исчез в белом шуме.

Сначала ничего не происходило. Внутри буя раздался нарастающий гул, похожий на работу трансформаторной будки. Затем из щелей повалил густой синий дым, пахнувший палеными водорослями. А потом вода вокруг взорвалась.

Вспышка короны святого Эльма возникла сначала на макушке антенны, тонкой голубой змейкой стекла по корпусу и ушла в озеро. Поверхность воды в радиусе десяти метров перестала быть жидкостью. Она превратилась в густой, тяжелый рассол, который светился изнутри багровым пламенем. Температура поднялась мгновенно.

Со дна начали подниматься пузыри метана. Они лопались на поверхности с влажными хлопками. Вся живность, которой кишело это палеогеновое море — мелкие панцирные рыбы, полупрозрачные трилобиты длиной с ладонь, колонии светящихся амёб — всплыла брюхом вверх в течение трех секунд. Их внутренности были сварены заживо микроволновым излучением, прошедшим сквозь толщу диэлектрической воды. Рыба варилась в собственном соку, не имея возможности даже перевернуться.

Глеб упал на колени, зажимая уши. Визг обратной связи бил по барабанным перепонкам физически. Нейроимплант взывал сиреной перегрузки, пытаясь экранировать мозг хозяина, но сам получал чудовищные дозы электромагнитного излучения. Перед глазами плясали зеленые цифры системных ошибок.

Кира схватила Максима, закрывая его своим телом и накрывая их обоих плащ-палаткой, пропитанной огнеупорным составом.

Сфера буя вибрировала так сильно, что камни под ней пошли трещинами. Сигнал бедствия уходил в космос. Но он не нес координат спасения. Буй транслировал белый шум искаженной органики. Смесь воплей вареных заживо трилобитов, скрежета плавящегося кремния и рева темпорального сдвига.

Через минуту гул начал стихать. Генератор буя выгорел дотла, превратившись в слиток шлака.

Наступила звенящая, пахнувшая озоном и смертью тишина.

Глеб поднял голову. Кира осторожно откинула край палатки.

Озеро перед ними превратилось в суп. Десятки килограммов мертвой рыбы колыхались в тяжелом рассоле. Воздух наполнился сладковатым запахом аммиака и сероводорода.

— Теперь любой сканер Наблюдателей, направленный на этот сектор, увидит лишь аномалию класса «Омега-Ноль», — хрипло сказала Кира, выплевывая песок. Ее волосы стояли дыбом от статики. — Агрессивную биомассу, пожирающую технику. Мы создали идеальный щит, Юра. Мы стали чумой для их приборов.

Глеб посмотрел на свои руки. Кончики пальцев почернели от ожогов. Плечо болело так, словно его перемололи в мясорубке. Он улыбнулся разбитыми губами. Улыбка вышла страшной.

— Добро пожаловать домой, агент Вересов.

Блок В: Они официально мертвы для своих (09:15 – 09:30)

Психологическая ломка всегда наступает после адреналинового отката. Сначала ты герой, спасающий мир вопреки инструкциям. Потом ты сидишь на камне, воняющий паленым протеином и сероводородом, и понимаешь, что тебе нечего больше защищать.

Глеб сидел, подтянув колени к груди. Он должен был составить отчет. Рапорт о потере оборудования. Формуляр списания боезапаса. Акт утилизации биологических ресурсов. Как педант до мозга костей, он привык структурировать хаос бумагами. Протокол помогал сохранять рассудок, когда реальность начинала трещать по швам.

Но протокола отчета не существовало. Не существовало самого понятия «отчет» для человека, которого нет.

— Мой счет аннулирован, — произнес он в пространство. Слова падали в тишину, как камни в колодец. — Моя квартира в блоке Управления перераспределена среди младших офицеров. Мой нейроимплант сгорит через сорок восемь часов без еженедельной калибровки сывороткой из Центра. Запас прочности чипа — трое суток автономии. Я больше не существую, Кира. Я призрак. Галлюцинация собственного процессора.

Кира сидела рядом, обхватив ноги руками. Она выглядела уставшей, но в ее позе не было надлома. Только собранность пружины перед выстрелом.

— Мы существуем, — спокойно ответила она. — Просто нас перевели из категории «Агенты» в категорию «Вирус». У вируса нет страховки. У вируса нет больничного. Вирус либо находит нового носителя, либо высыхает на предметном стекле. Вопрос лишь в том, кем станем мы.

Она повернулась к нему. В фиолетовом свете грота ее лицо казалось вырезанным из старой кости.

— Кем хочешь стать ты, Юра?

Вопрос ударил под дых. Кем он хотел стать? Инспектором Вересовым, который мечтал дослужиться до куратора сектора и выйти на пенсию с медалью «За выслугу лет»? Этого человека съела вода пять минут назад.

Чтобы прервать опасную паузу, прежде чем Глеб успеет ответить что-то необратимое, Кира взяла его левую ладонь. Она была жесткой, покрытой мозолями от спусковых крючков и рукоятей порталных захватов. Кира положила эту ладонь себе на живот.

Прямо поверх плотной ткани комбинезона.

Максим спал, но даже сквозь глубокий детский сон его тело пульсировало. Модифицированные вены матери пропускали через себя чужеродную энергию этого мира, и ребенок адаптировался. Его сердцебиение было сложным ритмом — двойной бас-бочка человеческого плода наложенный на высокочастотный электронный трепет темпорального маркера.

Глеб почувствовал чужое тепло сквозь перчатку. Оно прошло сквозь кожу, металл и старую боль, дойдя до самых костей. Раньше, в прошлой жизни, прикосновение к животу жены вызывало у него приступ паники и вины — нарушение инструкции о запрете деторождения в активной фазе службы. Сейчас это было единственное доказательство реальности. Тепло сына заземляло его лучше любых проводов.

— Пока он дышит, дышим и мы, — сказала Кира, правильно истолковав дрогнувшие мышцы его лица.

Глеб медленно убрал руку, но ощущение пульсации осталось на пальцах фантомной вибрацией. Он полез в нагрудный карман. Достал оттуда небольшой серый камень неправильной формы. Известняк, покрытый отпечатками древних папоротников. Он подобрал его в меловом периоде, две главы назад, когда они пытались уйти от погони через эпоху динозавров. Тогда это был сувенир. Талисман на удачу. Единственное чистое воспоминание.

Камень был теплым. Он впитал жар тела Глеба.

Инспектор долго смотрел на него. Впервые за долгие годы странствий он увидел в куске породы не артефакт, не улику и не ориентир. Он увидел надгробие.

— Прощай, — сказал Глеб камню. — Ты был плохим солдатом, Вересов. Но ты старался.

Он замахнулся и швырнул камень далеко в озеро. Тот булькнул, ушел на дно, и фиолетовые круги на воде сомкнулись над местом его падения.

Инспектор Вересов был похоронен в грязи палеогена. Остался только Юра. Муж Киры. Отец Максима. Обед для местных бактерий.

Блок Г: Запас еды на неделю (09:30 – 10:00)

Эйфория абсолютной свободы имеет горький привкус желчи. Ровно до того момента, пока желудок не начинает переваривать собственные стенки.

Без стандартных белковых пайков СХБ, рассчитанных на поддержание организма в условиях радиационного фона черных дыр, они умрут от истощения быстрее, чем Наблюдатели найдут способ пробиться сквозь созданный ими купол «Омеги-Ноль». Биология оказалась строже любой спецслужбы.

— Нам нужна еда, — сказал Глеб, вставая. Ноги затекли и слушались плохо. — Чистая вода. Укрытие. Список короткий.

— Укрытие — это пещера, — тут же включилась Кира. — Вода — вот она, пей сколько влезет, только фильтруй через рубашку, иначе получишь дозу солей тяжелых металлов. Еда...

Она посмотрела на поверхность озера. Суп из мертвых рыб продолжал лениво колыхаться.

— Придется лезть в суп, — констатировала она.

Глеб заставил себя действовать механически. Эмоции отключаются, когда включаются протоколы выживания первобытного человека. Он спустился в горячую, вонючую воду. Зажав нос рукавом, он начал сгребать к берегу самых крупных особей — плоских, костистых рыб неизвестного вида, чьи глаза вылезли из орбит от термического шока.

Используя кусок титановой обшивки капсулы, которую они прихватили с собой как щит, Глеб принялся разделять добычу. Лезвие легко входило в белесую плоть. Запах стоял такой, что нейроимплант заблокировал обонятельные рецепторы, заменив реальную вонь запахом озона. Холодная эффективность. Сбор биомассы. Ничего личного.

Кира действовала иначе. Она не собирала всё подряд. Опустившись на колени у самой кромки рассола, она выбирала рыбу избирательно — ту, где мышечная ткань меньше подверглась денатурации. Но помимо тушек она собирала со дна нечто другое. Горсти бурых и изумрудных водорослей, которые росли прямо на телах дохлых трилобитов. Некоторые из них светились в темноте собственным, мягким зеленоватым светом.

— Что это за гадость? — поморщился Глеб, насаживая очередную рыбину на импровизированный вертел.

— Местный эндемик, — ответила Кира, отправляя пучок светящейся травы прямо в рот. Она прожевала его, не меняясь в лице. Сплюнула жесткий стебель. — Содержит йод в концентрации, смертельной для земных млекопитающих, и ферменты, нейтрализующие сероводород. Иначе твоя печень откажет через три дня исключительно от запаха тухлых яиц. Будешь?

Она протянула ему влажный, склизкий пучок.

Глеб посмотрел на траву. Потом на жену. Взял. Откусил. Вкус был омерзительным — смесь йода, болотной гнили и металлической окалины. Но язык тут же занемел, а тошнота, подступавшая к горлу, отступила.

— Надо готовить, — решил Глеб. — Сырое мясо в этом климате — билет на кладбище от дизентерии.

— Костер исключен, — отрезала Кира. — Дым привлечет тех, кто крупнее рыбы. Да и кислорода в пещере немного, выдохнем углекислоту — уснем навсегда.

Она открыла свой подсумок. Достала плоский серебристый прибор — переносной молекулярный секвенсор. Обычно он использовался для анализа состава воздуха в непроверенных эпохах. Сейчас индикатор заряда горел красным — одна единица энергии. Прибор питался не от батарей, а преобразовывал избыточное тепло человеческого тела в электричество.

Кира разложила на плоском горячем камне слой водорослей. Сверху уложила куски очищенной от чешуи рыбы. Накрыла вторым камнем.

— Давай сюда свою титановую пластину, — скомандовала она.

Глеб передал обломок. Кира приложила ладонь к металлу. Секвенсор тонко загудел. Она перекачивала последние эрги из своего тела в структуру камней. Спустя минуту титан начал ощутимо теплеть, а затем внутри него возникло ровное, мягкое свечение. Сухой жар без дыма.

Процесс занял полчаса. Водоросли высохли, превратившись в хрупкие темно-зеленые чипсы. Рыба пропарилась, источая жир, который тут же впитывался в минеральную подложку.

Результат выглядел отвратительно. Около пяти килограммов плотной, волокнистой массы черно-зеленого цвета. Смесь падали юрского периода и первобытных витаминов. Пахло это горелым болотом, химчисткой и больницей.

Кира села напротив получившейся лепешки. Достала нож.

— Математика выживания проста, — сказала она деловито, разрезая массу на ровные кубики со стороной примерно в три сантиметра. — Вес сухой биомассы — четыре тысячи девятьсот граммов. Плюс-минус. Метаболизм у тебя замедлен имплантом, у меня перестроен маркером, ребенку много не надо. Два приема пищи в день. По одному кубику на человека. Кубики одинаковые, вес распределен с точностью до миллиграмма.

Она выстроила ряд из тридцати шести черных брусков на чистом листе фольги.

— Шесть суток, Юра. Ровно на шесть суток нам троим хватит этой мерзости. На седьмой день начнется аутофагия. Организм начнет расщеплять мышечную ткань. На восьмой день мы либо найдем выход к стабильному временному потоку, либо начнем всерьез рассматривать вариант переваривания друг друга. Или той плесени, что растет на потолке. Выбор будет зависеть исключительно от того, чья печень сдастся первой.

Закончив расчеты, она вытерла нож о штанину и убрала его.

Первый кубик она вложила в рот Максиму. Ребенок спал, но сосательный рефлекс сработал автоматически. Малыш зачмокал, проглатывая концентрат выживания, даже не просыпаясь.

Глеб взял свой кусок.

Мясо скрипело на зубах. Текстура была резиновой, пересушенной снаружи и влажной внутри. Вкус абсолютной свободы оказался вкусом гниющего ила, пережаренного на трупе врага. Каждая калория в этом кубике стоила им части человечности.

Он заставил себя проглотить. Еда встала в пищеводе тяжелым комом, но желудок тут же жадно сократился, требуя добавки.

Глеб потянулся за вторым кубиком, намереваясь съесть норму следующего утра прямо сейчас, пока никто не видит. Страх голода был сильнее логики распределения.

Именно в этот момент звук изменился.

До этого момента на периферии сознания постоянно присутствовал низкий, утробный гул. Вибрация тектонических плит, далекий рев океанских течений, проходящих сквозь древние разломы. Фоновая симфония планеты. Но теперь к ней добавился новый оттенок.

Ритмичный металлический лязг.

Лязг преследовал их последние дни — эхо работающих механизмов Синдиката в верхних слоях временной воронки. Но сейчас частота изменилась. Звук стал тише, глубже и приобрел четкий, размеренный метроном. *Бам. Пауза. Бам. Пауза.*

Кира замерла. Она не прекратила дышать, но весь воздух вышел из ее легких разом. Она медленно, не поворачивая головы, скосила глаза на Глеба. Палец, которым она указывала на недоеденный кубик, мелко дрожал.

— Положи еду, — прошептала она одними губами. — Медленно. Очень медленно. На камни. Рядом с ногой.

Глеб подчинился. Черный кубик упал на гранит с тихим стуком.

— Это не гиена, — продолжила Кира, ее зрачки расширились, поглощая почти всю радужку. Она слушала не ушами, а всем телом, прижавшись спиной к стене грота. — И не люди Синдиката. Частота шага — сорок герц. Амплитуда вибрации плиты — ноль целых две десятых. Вес объекта — около пятидесяти тонн. Распределенная нагрузка. Три точки опоры. Минимум. Оно идет сюда по дну. Цепочкой. Шаг... пауза... шаг...

Свет в гроте меркнет стремительно, неравномерно. Источник освещения находится снаружи, за входным порогом пещеры. И сейчас источник заслоняется огромной, бесформенной массой.

Вода у входа в пещеру перестает колыхаться. Она начинает уходить внутрь грота воронкой, закручиваясь против часовой стрелки. Уровень озера падает на глазах. Кто-то огромный делает вдох, втягивая в себя океан.

Затем раздается звук. Низкий, утробный, заполняющий собой все частоты спектра. Звук, похожий на выдох кита, если бы кит весил как авианосец и дышал жидким азотом.

Огромная тень ложится на фиолетовые стены. Голова существа касается потолка пещеры, оставляя на влажном камне влажный, блестящий след.

Проем входа пуст. Там, где раньше была вода, теперь зияет черный провал сухого дна, ведущий в абсолютную темноту глубин.

Раздается финальный аккорд — громкий, влажный всос. Оставшаяся вода уходит в гигантские легкие или жабры окончательно.

Наступает полная, космическая тишина.

Глеб смотрит на тридцать пять оставшихся кубиков еды. На спящего ребенка. На стену тьмы, преградившую путь к солнцу.

Следующая неделя могла закончиться не смертью от голода.

Она обещала закончиться перевариванием в желудке бога этого океана.

Глава 46. Фильтр эволюции

****Эпиграф:**** *«Инструкция по защите первобытных видов, пункт 1: Природа не знает слова "справедливость", она знает только слово "отбор" и цену за билет в будущее».*

— Из утерянного протокола Наблюдателей.

Блок А: Анатомия приближения (08:30 – 08:45)

Вонь прелой рыбы, йода и озона висела в воздухе карстового грота такой плотной пеленой, что ее можно было резать каменным ножом Максима. Она въелась в поры кожи, осела на ресницах Киры микроскопической пылью и пропитала синтетическую подкладку куртки Глеба, которую они использовали как люльку для младенца.

Максим сидел на корточках у самого края мелкой заводи, вычерпанной жестяными кружками Инны Валерьевны — нелепыми артефактами из мира завучей и классных журналов посреди палеозойского ада. Вода была теплой, мутной от взвеси известняка, пахла тухлыми яйцами из-за сероводорода, но после суток жажды казалась слаще амброзии. Он зачерпнул воду дрожащими руками, поднес к губам ребенка. Младенец — последний отпрыск племени гоминидов, которое Кира взяла под свою биологическую опеку — жадно глотал теплую жидкость, его крошечное горло дергалось, а глаза-пуговицы бессмысленно смотрели сквозь учителя истории.

Сама генетик сидела напротив, скрестив ноги в позе лотоса, которая выглядела бы абсолютно сюрреалистично в любом другом месте, кроме этого. Ее пальцы были погружены в шевелящуюся массу плесени почти до костяшек. Это уже не был просто симбиоз человека и гриба; за последние недели их слияние перешло на клеточный уровень, превратившись в единый сверхорганизм. Плесень пульсировала в такт сердцебиению Киры, иногда перетекая по ее предплечьям бледно-зелеными узорами, напоминающими древние руны или кровеносные сосуды просвечивающей сквозь кожу рептилии. Она распределяла питательные споры между беременной самкой дикарей, Старейшиной, который дремал, прислонив бритую голову к холодной базальтовой стене, и подростком-альбиносом. Альбинос держал в руках плоскую гальку и методично точил о нее острый край обсидиана. Звук «вжик-вжик» действовал на нервы как бормашина старой советской поликлиники, но прерывать его никто не решался. Мальчик чуял опасность кожей, лишенной пигмента, он слышал инфразвук прибоя раньше, чем тот достигал барабанных перепонок людей.

Глеб стоял на страже у входа. Точнее, там, где вход должен был быть. Проем высотой в три человеческих роста сейчас закрывала плотная водяная стена, подсвеченная снаружи болез-

ненно-зеленым светом планктона. Прилив загнал их в эту ловушку двенадцать часов назад, и теперь океан удерживал здесь, медленно поднимаясь обратно, сантиметр за сантиметром отрезая путь к отступлению вверх по склону горы.

— Он слишком долго не возвращается, — нарушила тишину Кира, не отрывая взгляда от младенца. Голос звучал ровно, механически, словно говорил автоответчик психиатрической клиники, но плесень на ее шее нервно дернулась, выдав тревогу хозяйки с головой. Биология всегда честнее разума.

Максим проследил за ее взглядом. Глеб ушел вверх по течению подземного ручья сорок минут назад. Ему нужно было проверить, нет ли обходных путей через верхние галереи, куда не дотягивается вода. Без него группа слепа. Инспектор стал их центральной нервной системой — тем единственным куском чужеродного железа в этой органической мясорубке, кто еще умел мыслить категориями физики пространства, вектора силы и сопротивления материалов, а не выживания стаи ради выживания стаи.

Первым звук уловил альбинос. Его голова резко вскинулась, ноздри затрепетали, втягивая воздух. Вжик-вжик оборвалось так внезапно, будто лопнула струна гигантской гитары. Подросток замер, прижав обсидиан к груди, как талисман.

Сначала пришла вибрация. Не гул далекого землетрясения, к которому они начали привыкать, а низкий, утробный рокот, зарождающийся где-то в мантии планеты. От него заныли зубы, заломило виски, а камни под седалищами завибрировали, передавая мелкую, неприятную дрожь прямо в кости таза.

Затем исчез свет.

Проем выхода никогда не был особенно ярким, но он давал рассеянное, серое свечение пасмурного дня мезозоя — привычный фон, на котором глаз отдыхал. Сейчас оно погасло мгновенно, словно снаружи задвинули многотонную чугунную заслонку старого банковского хранилища. Наступила абсолютная, физически ощутимая тьма, давящая на барабанные перепонки, прорезаемая лишь слабым фосфоресцирующим свечением спор Киры да тусклым багровым отблеском углей их очага.

— Движение воды, — хрипло выдохнул Максим, инстинктивно перекатываясь ближе к жене и ребенку, прикрывая их своим телом. Спина уперлась в живот беременной самки-гоминида, та испуганно пискнула. — Оно идет вспять. Отлив? Обратный ток?

Кира отрицательно качнула головой. Ее глаза, адаптировавшиеся к темноте быстрее человеческих, расширились до предела белков, став огромными, черными провалами.

— Там что-то дышит. И это дыхание всасывает море. Давление падает, Макс. Нас затягивает в пылесос размером с континент.

Звук изменился. Низкий рокот сменился пронзительным, оглушающим воем — звуком миллионов тонн соленой воды, устремившихся в узкое горлышко пещеры. Шум водопада, пропущенный через аэродинамическую трубу авианосца. Давление воздуха в пещере упало так резко, что заложило уши, а пластиковые линзы очков Максима едва не втянуло внутрь черепа вакуумом. Уровень воды в их заводи начал стремительно падать, обнажая скользкие, покрытые острыми, как бритва, ракушками камни дна. Воздух потяжелел, наполняясь запахом гниющих моллюсков.

А затем появился силуэт.

Он не вошел. Он не мог войти. Он втиснулся, вбил себя в камень силой инерции океана. Сначала в проеме показалась тень, чернее самой пустоты, поглощающая даже флуоресцентный свет гриба. Затем — фрагмент лоснящейся шкуры цвета застарелого ила, покрытой шрамами заживших укусов мегалодонов. А потом — глаз. Один огромный, молочно-белый, незрячий белым размером с колесо внедорожника, смотрящий точно в душу каждому присутствующему. Второй глаз отсутствовал — из пустой, окровавленной глазницы сочилась густая, зеленоватая слизь, капающая на порог пещеры с тяжелым, мясным стуком, отсчитывающим секунды жизни группы.

Базилозавр. Сорок метров живой ярости позднего эоцена, чудовище, которому было тесно даже в открытом океане. Эволюционный тупик, царь пищевой цепи, переживший свое время. Он застрял. Его грудная клетка, обхватом превосходившая фюзеляж грузового самолета «Руслан», намертво заклинилась в базальтовых сводах. Но его голова — массивная, усаженная сотнями игольчатых зубов черепушка, созданная природой исключительно для дробления костей кашалотов, — оказалась внутри.

Океан снаружи ревел, пытаясь вырвать добычу из каменной пасти. Каждое конвульсивное движение гиганта заставляло стены грота ходить ходуном. С потолка сыпалась мелкая крошка, превращая воздух в едкую белую пыль. Один из сталактитов толщиной с телеграфный столб с треском обломился и рухнул в метре от беременной самки, разбившись в щебень. Гоминиды взвыли единым горлом, бросившись врассыпную, сбивая друг друга с ног в панике, топча собственные припасы сушеных водорослей. Старейшина пытался восстановить порядок, гортанно крича и размахивая руками, колотя себя кулаком в грудь, но страх перед истинным богом глубин оказался сильнее векового авторитета вождя.

Воздух мгновенно пропитался запахом аммиака, переваренной белковой массы и чего-то химического, похожего на запах плавящегося пластика и раскаленного металла. Это был запах эволюционного тупика. Запах существа, которое природа создала настолько совершенным убийцей, что ему больше некуда было развиваться, кроме как в сторону собственного самоуничтожения.

— Всем стоять! — голос Глеба ударил по ушам, когда инспектор скатился откуда-то сверху, из неприметной трещины в потолке, появившись буквально из ниоткуда. Он приземлился мягко, по-кошачьи, сжимая в руке бесполезный карабин Синдиката. Ствол оружия смотрел в пол. — Если побежите, создадите волну. Резонанс стенок. Он реагирует на вибрацию камня!

Но Базилозавр пока не интересовался ими. Он был слишком велик для этого помещения. Он конвульсивно дергался, пытаясь протащить свои оставшиеся двадцать метров туловища сквозь гранит, которого там не было. Каменная пыль смешивалась со слизью из его глазницы. Гигант тяжело, со свистом втягивал воздух. Из-за того, что его левое легкое было прижато собственным весом к неровному полу пещеры, каждый вдох требовал титанических усилий гидравлики — кит приподнимал многотонную голову, опираясь на хвост, хватал порцию кислорода и снова ронял морду, содрогаясь всем телом, отчего по воде шла тяжелая, глухая волна.

Один из молодых гоминидов, тот самый, что собирал съедобные водоросли на мелководье, замер посреди грота. Паралич ужаса превратил его в соляной столп. Он смотрел на белый мертвый глаз над собой, нижняя челюсть безвольно отвисла, обнажив кривые желтые зубы.

— Пацан, двигайся! — крикнул Максим, делая шаг вперед, но горло перехватило спазмом. Звук собственного голоса показался ему комариным писком против этого биологического кошмара. Время растянулось в смолу.

Базилозавр сделал ленивый, почти небрежный взмах хвостом. В тесноте пещеры для такого маневра не было места. Твердый, как гранит, лопастеперый плавник прошел сквозь пространство, заполненное визгом женщин и хрустом камней. Раздался тошнотворный влажный хруст, совершенно непохожий на ломающуюся человеческую кость — скорее, это был звук мокрого картона, который рвут пополам голыми руками. Молодой дикарь беззвучно сложился внутрь себя. Его позвоночник превратился в кашу из костной муки и спинномозговой жидкости. Тело пролетело два метра по идеальной параболе и впечаталось в дальнюю стену, оставив на ней кровавую кляксу геометрически правильной формы восьмиконечной звезды.

Вода в заводи окрасилась в розовый цвет. Запах свежей крови пробудил то, что осталось от разума древнего хищника. Белый глаз повернулся. Челюсти, способные перекусить сейф швейцарского банка, начали открываться. Медленно, натужно, сдирая базальт со стен длинными белыми полосами. Воздух со свистом пошел в гигантскую глотку, создавая зону низкого давления. Листья, ветки и мелкие камни со дна их убежища потянуло вперед, прямо в этот черный, смердящий провал пищевода.

Старейшина издал боевой клич предков — звук, полный такой первобытной боли и ярости, что волосы на затылке Максима встали дыбом. Страх покинул его лицо, уступив место древней, первобытной ярости защитника очага. Он схватил свое тяжелое ясеновое копье с обожженным на огне кремневым наконечником. Для него этот монстр был воплощением морского духа, демоном бездны, пришедшим сожрать солнце. Единственный способ умереть мужчиной в его культуре — забрать врага с собой в желудки крабов.

Он разбежался, оттолкнулся от выступа здоровой ногой и прыгнул. Копье вошло точно в десну между рядами желтых, изъеденных солью зубов, туда, где должна быть мягкая ткань.

Камень ударился о кость. Послышался звонкий щелчок, похожий на удар бильярдных шаров. Наконечник отлетел в сторону, выбив сноп искр, не оставив на черепе кита даже царапины. Древко переломилось.

Взревев от боли в поврежденной десне, Базилозавр мотнул головой. Старейшина все еще цеплялся за древко обеими руками. Удар швырнул его о потолок, как тряпичную куклу. Хруст ребер прозвучал как треск целой поленницы дров, брошенной в ревущий мартеновский цех. Челюсти сомкнулись на торсе дикаря. Брызги артериальной крови долетели до лица Максима, теплые и липкие. Кит потряхнул головой, используя тело человека как грязную посудную тряпку, чтобы стереть боль из десен, и размазал старейшину по шершавому своду. На камнях осталось лишь бесформенное пятно багровой плоти, одинокий кожаный ремешок от амулета из волчьего зуба и облако оседающей пыли.

Тишина, наступившая после этого убийства, была страшнее любого рева. Она звенела ультразвуком. Гоминиды прижались к земле, сливаясь с теньями, забиваясь в щели между валу-

нами. Беременная самка закрыла лицо руками, ее плечи ходили ходуном от беззвучных рыданий, сотрясающих огромное чрево. Планета перемолола тех, кого Кира пыталась спасти своей жалостью. Эволюция собирала пошлину кровью, и квитанция была выписана на имя всего человечества.

Блок Б: Геометрия ловушки (08:45 – 09:15)

Кира вышла из ступора. Движения ее стали механическими, экономичными, словно у хирурга во время многочасовой операции без права на ошибку. Она опустила спящего младенца на сухой выступ камня, прикрыв его своим телом, создав живой щит. Споры на ее коже вспыхнули ярче, меняя спектр с болотного зеленого на тревожный ультрафиолет. Генетик сделала шаг вперед, выходя на открытое пространство. Прямо под нависающей, истекающей слизью челюстью смерти.

— Кира, назад! — прохрипел Максим, пытаясь встать. Ноги не слушались, суставы одеревенели от выброса адреналина, мозг отказывался посылать импульсы мышцам бедер.

Генетик проигнорировала мужа. Она активировала свой симбионт на максимум. Плесень буквально вскипела под ее кожей, выстреливая тысячами микроскопических нитей-игл в сторону открытой пасти кита. Облако фиолетово-черных спор полетело навстречу влажной, покрытой язвами слизистой чудовища.

Для обычного животного концентрация ферментов Кире стала бы мгновенным приговором — кислотный ожог легких, распад тканей на уровне аминокислот, некроз мозга за микросекунды. Но Базилозавр был биологической крепостью. Продуктом сотен миллионов лет беспощадной селекции в водах, кишаших хищниками крупнее автобусов. Его иммунная система отреагировала на вторжение не смертью, а взрывной агрессией.

Споры попали на слизистую носа. Вместо того чтобы убить нервные окончания, грибок вступил в непредсказуемую химическую реакцию с антителами палеогенового монстра. Ткани начали мутировать прямо на глазах Максима. Они почернели, взбухли. Из ноздрей кита полезли черные, узловатые наросты, похожие на перекрученные корни старого дуба, пораженного молнией. Они росли со скоростью бамбука в ускоренной съемке, запечатывая дышала изнутри.

Животное издало звук, от которого кровь стыла в жилах и хотелось выпрыгнуть из собственной кожи — низкочастотный инфразвуковой вопль, переходящий в ультразвуковой визг отчаяния. Кит захлебывался собственным воздухом. Черные корни душили его изнутри, разрывая хрящи. Он впал в агонию. Белое бельмо закатилось, обнажив воспаленные красные сосуды склеры, а хвост забил по воде, поднимая цунами, накрывшее оставшихся дикарей с головой и перемешавшее их запасы еды с песком.

Кира отступила, тяжело привалившись к стене. Пот ручьями тек по ее лицу, смывая грязь и оставляя светлые дорожки. Плесень на ее теле болезненно съежилась, уходя глубже в поры, прячась от последствий собственного успеха. Она посмотрела на дело рук своих без тени триумфа. Только бесконечная, всепоглощающая усталость исследователя, чей эксперимент подтвердил худшую из гипотез.

— Не берет, — прошептала она, глядя на свои руки, которые мелко дрожали. — Его метаболизм сжигает мою органику быстрее, чем я успеваю разрушать его клетки. Температура

тела... она выше точки денатурации моих ферментов. Природа этого времени... она выплевывает любую сложность, Макс. Мы для нее — ошибка округления. Космический мусор.

Пока жена вела войну на микроуровне, разрушая ДНК, Глеб вел бой на макро. Он не тратил патроны своего карабина — металл против шкурной брони танкера был бессмысленен, как плевки против тайфуна. Инспектор мыслил терминами рычагов, точек опоры, центров тяжести и хрупкости суставов.

— Левое легкое прижато, — бросил он Максиму, быстро обходя беснующегося зверя по широкой дуге, постоянно держась в мертвой зоне периферического зрения гиганта. — Он дышит, только когда поднимает башку. Держит вес на хвосте. Видишь? Каждый раз, когда он пытается сделать полноценный вдох, его таз проседает вот сюда, сантиметров на десять.

Глеб указал на основание хвостового плавника. Там, где мощный мышечный пучок соединялся с позвоночником, чешуйчатая броня сходила на нет, образуя уязвимую складку кожи, покрытую слоем белой паразитической слизи. Под ней прощупывался тугой жгут нервных окончаний — пульт управления всей задней половиной тела гиганта, шириной с пожарный шланг.

— Оружие есть? — спросил инспектор, не поворачивая головы. Его взгляд был прикован к ритму движения туши.

Максим похлопал по поясу. Нож, мультитул, зажигалка. Смешно. Арсенал офисного работника против бога.

— Базальт, — ответил вместо него Глеб, оценив обстановку острым глазом полицейского. Он кивнул на их импровизированный очаг — углубление в полу, обложенное камнями, где дотлевали угли, сохраняя тепло ночи. — Нужен острый край. Раскаленный докрасна. Углеродистая сталь нам не поможет, нужна термальная травма нерва.

Понимание пришло мгновенно, вспышкой магия. Максим кинулся к очагу. Выбирать было некогда, эстетика подождет. Он схватил первый попавшийся осколок вулканического стекла с острым, как хирургический скальпель, краем. Сунул его прямо в малиновые угли. Камень зашипел, исторгая облачка сизого дыма, покрываясь черной копотью.

Тем временем Базилозавр, ослепленный болью от растущего грибка и медленным удушьем, окончательно потерял связь с реальностью внешнего мира. Он перестал пытаться протиснуться вперед или вытащить голову наружу. Теперь он просто бился в истерике, вбивая свою морду в каменное дно, пытаясь раздавить источник боли — собственную голову. Своды грота ответили низким, угрожающим гулом. Мелкая сыпь камней перешла в настоящий дождь из щебня и песка. Пещера решила похоронить их всех вместе с трупом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.